

С.Л. Козлов: наука и память

Публикуемый текст представляет собой фрагменты неоконченного сочинения, над которым Сергей Леонидович Козлов работал в последний год жизни. Сам он определял жанр этого сочинения как психологическую, аналитическую или промежуточную прозу, продолжающую литературную традицию Лидии Гинзбург и Чеслава Милоша.

В центре повествования — фигура деда С.Л. Козлова Артура Сергеевича Тертеряна, рассмотренная как социально-психологический феномен. Давние размышления о личности и судьбе деда стали конкретным замыслом весной 2023 года, когда, вернувшись в Москву после долгого отсутствия, Сергей Леонидович начал разбирать семейный архив. Изучение частной переписки деда, открытых и архивных источников продолжалось весну и лето 2023 года.

Приводимые ниже фрагменты были написаны в апреле — ноябре 2023 года и собраны в папку под названием «Маленький Альфа». Папка содержала файлы с главами 1, 2, 5 и 7; главы 3, 4 и 6, вероятно, не были начаты. Судя по всему, планировалось небольшое по объему сочинение из семи глав (в ранних черновиках сохранился вариант подзаголовка «Повесть о промежуточном человеке», а также план со следующим оглавлением: глава 1 «Заслуженный работник», глава 2 «Люсень Шардон», глава 3 «Семейные счеты на фоне войны», глава 4 «Время посылок», глава 5 «Время отпусков», глава 6 «Время старости», глава 7 «Слеза несбывшихся надежд»; в публикуемых рукописях, однако, другой вариант подзаголовка и другие названия глав).

В папку «Маленький Альфа» также входил файл «Выписки» — подборка упорядоченных и разделенных подзаголовками писем и документов из семейного архива, задуманная как приложение к основному тексту. Письма публикуются в расшифровке С.Л. Козлова с сохранением орфографии и пунктуации корреспондентов и в том порядке, в каком их расположил С.Л. Козлов. Все замечания в квадратных скобках и постраничные сноски принадлежат С.Л. Козлову. Мы присвоили письмам сквозную нумерацию и унифицировали написание дат.

Автор, очевидно, намеревался, но не успел дать биографический комментарий к упоминаемым в переписке лицам. Сведения о некоторых из них мы добавили или уточнили — в той мере, в какой этоказалось возможным. Стоит также вкратце пояснить отношения главных корреспондентов. Автор большинства писем, Артур, Арчи, А., Папа — это Артур Сергеевич (Арташес Саркисович) Тертерян (1908—1983), дед С.Л. Козлова. Котович, Кот, Котик, Юля — Юлия Михайловна Тертерян (1911—1966), первая жена А.С. Тертеряна и бабушка С.Л. Козлова. Дудуевич, Дудули, Дудуша, Инуха — Инна Артуровна Тертерян (1933—1986), дочь А.С. Тертеряна и Ю.М. Тертерян и мать С.Л. Козлова.

Галина Галкина

Сергей Козлов

Маленький Альфа

ИСТОРИЯ ОДНОГО СЛУЖАКИ

Жил-был — я.
(Стоит ли об этом?)
Шторм бил в мол.
(Молод был и мил...)
В порт плыл флот.
(С выигрышным билетом
жил-был я.)
Помнится, что жил.

Семен Кирсанов. Строки в скобках (1968)

Жизнь сложилась с юношеских лет не по плану,
некладная, скучная, сырья, холодная жизнь,
совсем как ночь в степи перед отъездом.

Маленький Альфа. Из письма к жене (1942)

Немые индивиды,
И небо, как в степи.
Не кайся, не завидуй, —
Покойся с миром, спи.

Борис Пастернак. Безвременно умершему (1936)

Глава 1

Дело, которому ты служишь

В ноябре 68 года Маленькому Альфе исполнилось 60 лет. По этому случаю был устроен праздничный ужин на служебной даче, где к тому времени стал почти постоянно жить юбиляр. По меркам дачного быта Маленького Альфы пиршество было большое; можно назвать его банкетом. Состав приглашенных был обычный для подобных оказий: сослуживцы, представители дружественных организаций, тщательно отобранные старые друзья юбиляра. Впрочем, главный начальник отсутствовал: по своему обыкновению, он проводил эти недели на черноморском побережье Кавказа. В неофициальной обстановке главный начальник держал себя с подчиненными демократично и даже случалось, что сопровождал редакционные вечеринки веселой игрой на фортепиано. Но это был не тот случай, случай был торжественный, и присутствие главного начальника придало бы пиршеству дополнительную официальность. Первый заместитель главного начальника произнес с присущим ему темпераментом искрометную речь и сообщил, что руководство газеты приняло решение хода-

тайствовать перед президиумом Верховного Совета о присвоении Маленькову Альфе звания «Заслуженный работник культуры РСФСР». В системе интеллигентского пересмешничества, окончательно сформировавшей когда-то личностный стиль Маленькового Альфы, это почетное звание обозначалось теперь аббревиатурой «Засракуль». В конце вечера слово взял юбиляр. Он поблагодарил всех гостей, особо поблагодарил всех выступивших, и поднял бокал за верность делу — «нашему газетному делу». Или даже «газетному нашему делу». Или даже, может быть, «нашему делу газетному» (память внука сохранила острое впечатление от необычной интонации, с которой это было сказано, но из памяти изгладился точный порядок слов). Это немножко напоминало каноническую песню советских журналистов (сочиненную, кстати сказать, давнишним начальником и благодетелем Маленькового Альфы) — «выпьем за победу, за свою газету», — но сходство было обманчивым. На сей раз ни о какой победе речи не было. Ни о какой своей газете тоже речи не было. Речь была о профессии и профessionализме. Предмет тоста был сформулирован достаточно широко, чтобы не упоминать никаких отдельных газет, — и в то же время достаточно узко, чтобы не ссылаться ни на какие высшие коллективные ценности.

Маленький Альфа прекрасно понимал, что, говоря о газетном деле, он показывает действительность с приятной стороны, потому что слова «газетное дело» обозначали только внешние условия труда, а суть труда было, как и у целого ряда других профессий, навязывание правильных мыслей населению согласно требованиям центральной власти. Но Маленький Альфа хотел говорить о газетной работе, а не о воле партии и правительства. В конце концов, это был его дом, его день рождения, и у себя дома он мог сам придавать общему разговору то или иное направление. Не выходя за рамки дозволенного, конечно. Маленький Альфа был мастером формулировок, акцентировок и нюансировок, не выходящих за рамки дозволенного.

Эта дозволенная присяга на верность любимому делу таила в себе тонкую двузначность. С одной стороны, выдвинутая на авансцену преданность професиональному долгу вроде бы подменяла собой декларацию о верности начальству. Однако, с другой стороны, верность делу фактически подразумевала — по умолчанию — и верность режиму, поскольку любая газетная работа мыслилась в этой стране как «часть общепартийного дела». Выполнение требований партии являлось необходимым формальным условием допуска к профессии. Апелляция к профессиональным условиям газетной работы означала тем самым стыдливую легитимацию политической сервильности. С первой точки зрения присяга на верность своему узко понятому делу выступала как фига в кармане. Со второй точки зрения эта присяга выступала как фиговый листок.

Этот вечер знаменовал собой пик карьерного роста Маленькового Альфы. На самом деле это было торжественное подведение итогов. Итоги были формальные и неформальные. Формальные итоги были внушительны. Он входил в кремлевскую номенклатуру и обладал всеми положенными этой номенклатуре привилегиями: персональная служебная дача, персональная служебная машина, спецтайки, медицинское обслуживание в 4-м главном управлении Минздрава и т.д. и т.п. Итак, он был признан особо ценным руководящим работником — причем не абы в какой сфере, а в сфере идеологической. Он был заместителем главного редактора «Современной газеты» — одной из центральных газет союзного значения. Тут итоги формальные плавно перетекали в итоги неформальные. После того как «Современная газета» в 1967 году перешла на

новый, еженедельный формат и превратилась, выражаясь сегодняшним журналистским языком, в «толстушку» (16 газетных полос), — она стала быстро приобретать славу «самой либеральной газеты страны», непременного еженедельного интеллигентского чтения. Маленький Альфа был одним из управляющих этого издания. Он курировал, в числе прочего, один из самых популярных разделов газеты — 16-ю полосу. Официально эта его вотчина называлась отделом юмора; точнее было бы назвать ее отделом зубоскальства и пересмешничества. Но неформальный статус Маленького Альфа выходил за рамки тех или иных его полномочий. Для сотрудников он был воплощением духа редакции, старейшим руководителем, пережившим шесть главных начальников и продолжавшим работать при седьмом. Доброжелательная мемуаристка, поступившая на службу в 1969 году, вспоминает: «Если [Первый Заместитель] был стержнем этой газеты, ее мотором, человеком, задававшим ей направление, то атмосферу в ней, по моим наблюдениям, во многом определял [Маленький Альфа], куратор отделов внутренней жизни, юмора и нашего — историко-литературного»¹.

Дальнейшее восхождение было, по совокупности обстоятельств, невозможно; дальше он упирался головой в невидимый стеклянный потолок. (Как написала доброжелательная мемуаристка — «слишком старый, слишком умный и слишком образованный, чтобы рассчитывать на дальнейшую карьеру»².) Оставалось закрепиться на достигнутой позиции и наслаждаться благами своего положения настолько долго, насколько хватало здоровья и энергии. Для этого нужно было взять свежий старт в личной жизни, покончить с растигнувшимся на три года вдовством. Вскоре после юбилея он нашел себе избранницу, женился, переехал с новой семьей в роскошную квартиру в Большом Ржевском переулке, впритык к Верховному суду. Но с каждым годом становилось все очевиднее, что это уже путь с ярмарки: жизнь постепенно, но верно вытесняла его. Вытесняла и с любимой дачи (ее пришлось уступить другому заместителю, молодому да раннему, а самому ограничиться половинкой соседней дачи, менее статусной), и с любимой службы (из-за болезни он потерял должность заместителя, оставшись рядовым членом редколлегии; прежнего первого зама уволили; на службе воцарились новые, совершенно чуждые люди, напрочь лишенные вкуса к пересмешничеству), да и вообще из жизни (с каждым годом болезнь отнимала все больше времени и сил). В 1980 году он ушел на пенсию. В 1983 году он умер.

Дать реальному персонажу алгебраическое обозначение вместо подлинного имени — прием, известный в мемуарно-моралистической прозе. Он важен,

1 Латынина А. Как дышалось в «Литгазете» // Новый мир. 2008. № 4. С. 164. Та же мемуаристка отмечает, что в памяти одного из самых известных журналистов, работавших в отделе внутренней жизни, душой старой редакции навсегда остался не Маленький Альфа, а именно Первый заместитель (первоисточник цитаты: Борин А. Проскочившее поколение. М.: Аграф, 2006. С. 57). Сама же мемуаристка, как видим, ставит две эти фигуры в один ряд, но дает им более дифференцированную сравнительную оценку. Сердце мемуаристки явно отдано Маленькому Альфе, сердце мемуариста — Первому Заместителю. Такое расхождение, как кажется, обусловлено прежде всего разной направленностью профессиональных интересов у двух мемуаристов: интересов общественно-злободневных в одном случае и историко-литературных в другом. Эта разная направленность интересов продиктовала разную степень личного сочувствия двум начальникам.

2 Латынина А. Цит. соч. С. 166.

когда речь идет о персонажах, к которым автор стоял слишком близко. Он помогает сместить фокус повествования от мемуаров к обобщениям, помогает автору занять спасительную позицию вненаходимости. В этом тексте алгебраизация имени главного героя (наряду с другими приемами дистанцирования от материала) — прямой сигнал об ориентации на аналитическую прозу Чеслава Милоша и Лидии Гинзбург. Но мы дали нашему герою имя Альфа не только в подражание Милошу и Гинзбург. Альфа — говорящее имя. Наш герой был — или, точнее, хотел быть — альфа-самцом: в нем постоянно жила установка на доминирование. Но он был *маленький* Альфа, поскольку допустимый радиус этого доминирования всегда был жестко ограничен его подчиненной позицией в социальной иерархии. Если он и был альфа-самцом, то альфа-самцом очень локального значения. Слово «*маленький*» к тому же фиксирует и самую заметную особенность его внешнего облика: он был очень мал ростом (156 сантиметров, согласно курортной книжке). Эта наружная маломерность, как часто бывает, находилась во взаимоупоре со внутренней установкой на доминантность. «Всем известно, что я *маленький* трусливый армянин», — со своей обычной уксусной иронией говорил он о себе³. Необходимость преодолевать свою малорослость лишь подстегивала его внутреннюю энергию и волю к власти.

Малый рост — это была важнейшая черта его физического облика. Но, помимо облика физического, был еще и облик социальный. Важнейшую черту социального облика Маленького Альфы — облика и приватного, и публичного — отметила все та же доброжелательная мемуаристка:

Как-то мне пришлось вместе с Натальей Иосифовной Ильиной зайти в кабинет [Маленького Альфы]. У нее как раз шел в [«Современной газете»] один из ее легендарных фельетонов, то ли «Мы покупаем автомобиль», то ли «Мы ремонтируем автомобиль», — и [Маленький Альфа] хотел видеть автора. Наталья Иосифовна, не будучи с Тером⁴ знакома, подозревала его в злостном намерении искромсать статью и заранее была мрачно настроена. Я ее успокаивала. Тер был с Ильиной изысканно галантен, сумел разговорить Наталью Иосифовну, от ее настороженности быстро не осталось следа, и, к моему великому удивлению, минут через десять они уже упражнялись в остроумии.

Когда мы покинули его кабинет, я спросила: «Ну как вам [Маленький Альфа]?» — и услышала в ответ: «У него очень хорошая речь». Я опешила. «А вы что, думали, он будет говорить с армянским акцентом?» — спросила я обиженно. «Я думала, он будет говорить с советским акцентом», — отрезала Наталья Иосифовна. Выросшая в харбинской эмиграции, сохранившей в неприкосновенности язык дореволюционной интеллигенции, Наталья Иосифовна была очень чувствительна к новоязу, к советским словечкам и не могла не отметить отсутствие их в речи [Маленького Альфы].

У всех наших начальников был «советский акцент», если воспользоваться едким определением Ильиной. <...> [Маленький Альфа] произносил партийные штампы с такой интонацией, что сразу было ясно: они взяты в мысленные кавычки. Он был умен, хорошо образован и прочно закрыт от стороннего наблюдателя броней из иронии и скепсиса⁵.

3 Борин А. Цит. соч. С. 93; Латынина А. Цит. соч. С. 165.

4 «Тер» — внутридедакционное кодовое наименование Маленького Альфы, от первых букв его фамилии.

5 Латынина А. Цит. соч. С. 165—166.

Эта несоветская речь в сочетании с иронической интонацией резко выделяла Маленького Альфа из любой среды. Этот стиль речи всегда выражал дистанцию, наличествующую между говорящим и реальностью. Как выразился сам Маленький Альфа в одном из писем к жене (возможно, цитируя какой-то их разговор друг с другом) — «Марсианин и на вражеской земле остается марсианином!» (письмо от 31.01.45)⁶. Надо признать очевидное: как ни любил он поэзию Пастернака и Мандельштама, владевшее этими поэтами желание «быть как все», быть «человеком эпохи Москвошвея» осталось совершенно чуждо сознанию Маленького Альфы. В этом желании Пастернака и Мандельштама он должен был увидеть то свойство, которое с какого-то момента стал больше всего не любить в людях: глупую подвластность иллюзиям. Сам он не то чтобы настаивал на своей особости, но просто принимал ее как данность. К идеализации же простого народа он был склонен меньше всего. «Жизнь монотонная, люди несложные, — посуди сама, о чем же [тут] писать?» (из письма жене от 26.09.50). Что нисколько не мешало ему отдавать должное героизму несложных людей, если речь заходила о героизме. «Умирали товарищи, но не сходили с места. <...> Много славных друзей потерял я летом и осенью 1942 года. Они были героями» (из письма дочери от 12.12.44)⁷.

Но дистанция по отношению к реальности не ограничивалась речью. Абсолютно несоветской речи соответствовал столь же малосоветский образ мыслей. Этот образ мыслей скрывался под вуалью иронии, но скрывался совсем слегка — ровно настолько, насколько это диктовалось категорической необходимости. Приведем воспоминание еще одного мемуариста:

Отец нашей подруги Инны [Маленький Альфа], заместитель⁸ главного редактора [«Современной газеты»], пересидевший нескольких главных редакторов, человек, как сказано у Пушкина, «острый и безнравственный», рассказал нам однажды, как явилась к нему целая депутация, состоявшая из заслуженных сыновей, а также и дочерей армянского народа, с открытым письмом, которое было подписано не только ими, но и другими, не менее выдающимися представителями вышеназванного народа. В письме содержался призыв к советскому правительству исправить историческую несправедливость: отобрать у азербайджанцев Нагорный Карабах и вернуть его в лоно Армении. — Вот что, — сказал им [Маленький Альфа], — вы этого письма не писали, я его не читал, потому что, если бы я опубликовал его в [«Современной газете»] или хотя бы способствовал его опубликованию, — назавтра же в этом кабинете меня б уже не было, да и вас ожидали бы крупные неприятности. Так что будьте здоровы! Смущенные и раздосадованные члены депутатации стали по одному выбираться из кабинета, а когда остался последний, самый старый и самый заслуженный, он рыдающим голосом произнес: — Арташес! Ведь я пятьдесят лет назад своими руками устанавливал

6 Полный текст всех цитируемых писем см. ниже.

7 Это письмо к дочери — едва ли не единственный в дошедшем до нас эпистолярном наследии Маленького Альфы пример высказывания в торжественном стиле. Но тут следует учесть абсолютную исключительность темы в сочетании с личностью адресата — 12-летней девочки, которая хочет услышать от отца рассказ о его подвигах. Впрочем, сам Маленький Альфа признавался, что, когда пишет дочери, чувствует себя неуверенно именно в вопросах стиля. «Напиши, как действуют на Инуху мои нотации. Мне очень трудно выдерживать назидательный тон. Я никогда не считал себя сильным в этом жанре» (из письма жене от 10.01.45).

8 В оригинале ошибочно — «первый заместитель».

эту власть! — Значит, — безмятежно ответил ему [Маленький Альфа], — у тебя было целых пятьдесят лет, чтобы подумать, стоило ли ее устанавливать⁹.

Все та же доброжелательная мемуаристка вспоминает о своих разговорах с Маленьким Альфой; разговоры касались поворотных моментов русской истории:

Жалею, что не записывала эти разговоры, но делать тогда подобные записи мне казалось опасным: мало ли куда они попадут, а Тер предстанет в них антисоветчиком почище диссидентов. Да он таким и был, хотя к диссидентству относился не менее иронически, чем к господствующей идеологии¹⁰.

И — еще один фрагмент из очерка доброжелательной мемуаристки. Мемуаристка читает воспоминания одного из создателей 16-й полосы «Современной газеты»: тот описывает скандалы, причиной которых ему довелось быть за годы работы в газете. И вот Маленький Альфа вызывает его на ковер после очередной публикации, вызвавшей скандал. «[Маленький Альфа] брезгливо бросил на стол толстую пачку писем. — Это из ЦК, — сказал он. — Большевики вас раскусили»¹¹. На этой фразе доброжелательная мемуаристка переживает острый эффект узнавания:

Я узнала жест и лексику [Маленького Альфы]. Историко-литературный отдел — это, конечно, не внутренние отделы, постоянно донимавшие то «Аэрофлот», то железные дороги, то почтовое ведомство, то Министерство здравоохранения, которые отвечали жалобами в ЦК. Но случалось, и на нас жаловались, и [Маленький Альфа] кидал на стол письмо из ЦК именно этим брезгливым жестом, приговаривая: «Большевики, Аллочка, нами недовольны». Кроме него, никто из начальства не сказал бы про ЦК так остраненно, пользуясь лексикой старых эмигрантских газет¹².

Несоветская речь. Дистанцированность. Ирония. Постоянная речевое отмежевание себя от партии и от ее ЦК. И — постоянное, десятилетиями длившееся, исправное служение режиму, тщательное, хотя и лишенное личной страсти, исполнение всех его указаний и инструкций. Личной страсти не было, но тщательность и выработанная за годы службы осторожность — были. «Все это [имеются в виду независимость мышления и ироничность речи] не мешало ему конформистски снимать непроходимые материалы или вырубать слишком дерзкие куски из статей. «Не надо дразнить гусей», — приговаривал он»¹³.

Он не только снимал материалы, *заведомо* непроходимые. Когда речь шла о социальной или, того хуже, социально-политической тематике, он мог, ссылаясь на свои сомнения, попытаться заранее завизировать материал на верху¹⁴. Но, если речь шла о «первой тетради» газеты, т.е. о полосах, посвященных литературной жизни, — он должен был принимать решения на свой страх и риск. И тогда он безо всяких колебаний снимал материалы, могущие вызвать хоть малейшее раздражение у тех или иных товарищей из ЦК или из

9 Осповат Л. Как вспомнилось. Томск: Водолей, 2007. С. 184—186.

10 Латынина А. Цит. соч. С. 166.

11 Первоисточник цитаты — <<http://www.spectr.org/1999/018/suslov.htm>>.

12 Латынина А. Цит. соч. С. 165.

13 Там же. С. 166.

14 Ср. описание одного такого эпизода в: Перельман В. Покинутая Россия. Тель-Авив: Время и мы, 1977. С. 179—180.

Союза писателей. Это была чисто перестраховочная цензура. Именно такая, превентивная цензура и обозначалась словами «Не надо дразнить гусей». В иной системе координат это называлось «душить живую мысль».

Колоритный пример этого превентивного реагирования Маленького Альфы приведен в воспоминаниях бывшего сотрудника «Современной газеты», который к моменту прихода в газету имел за плечами богатый журналистский опыт, но тем не менее умудрился в значительной мере сохранить и иллюзии молодости, и молодой задор. Он предложил газетному начальству новаторскую рубрику «Литературный репортер», где должны были появляться краткие интервью с писателями об их текущей работе. Предложенный журналистом-новатором список писательских кандидатур немедленно подвергся жесточайшей фильтрации и был урезан до минимума.

От всего списка осталось трое — Леонид Леонов, Катаев и Федор Абрамов. Леонова Кривицкий тут же вычеркнул:

— Сложный старик, Виктор Борисович, подождем...

— Катаев, Катаев... — продолжал он мучительно размышлять вслух.

— «Белеет парус одинокий», — решил я помочь ему, — помните, Евгений Алексеевич, какая чудесная книга?

Вошел Тер и, перегнувшись через спину Кривицкого, молча заглянул в список:

— «Трава забвения»? Катаев? — выразительно продекламировал он название последнего катаевского романа.

— «Трава забвения», — мучительно морщил лоб Кривицкий и, вдруг улыбнувшись светлой мальчишеской улыбкой, решительно отложил список. — И с ним подождем! Верно, Артур Сергеевич? — взглянул он на Тера.

— Абсолютно! — прошамкал губами Тер. — Вы же знаете, Евгений Алексеевич, мою точку зрения. Вычеркнуть всегда лучше, чем вписать. От этого с инфарктом миокарда еще никто не слег¹⁵.

Поскольку за десять лет, предшествовавших моменту этого разговора, Маленький Альфа успел полежать с тремя инфарктами миокарда, надо признать, что эту тему он изучил хорошо.

«Вычеркнуть всегда лучше, чем вписать». Промолчать всегда лучше, чем сказать. За определенным принципом редакторской работы просматривается целая программа поведения, суть которой проста: не высовывайся. Живи незаметно. Эта сторона жизненной программы Маленького Альфы лучше всего показана в воспоминаниях еще одного сотрудника «Современной газеты»:

...следует признать, что не было в редакции человека с таким тончайшим чувством крамолы, как он. Нечего было и думать провести через него как через ведущего редактора номера что-нибудь живое. <...> «Нет, нет, и этого не надо, — отстранял он совершенно уж невинный, с моей точки зрения, материал, — вы же знаете мой вкус, дорогой Гена! Мне бы чего попроще и поплоше!»

Я не выдержал:

— Артур Сергеевич, именно потому, что знаю ваш вкус, не могу понять, как вам самому не скучно от серятины?

— Очень скучно! — ответил он.

Я с недоумением посмотрел на него.

15 Там же. С. 134.

— Что вы хотите сказать, дорогой Гена? — спросил [Маленький Альфа]. — Вы хотите сказать, что я б...? Конечно, я б...! А почему? Потому что умный человек¹⁶.

Мало кому нравится открытый цинизм. Вопрос о цинизме Маленького Альфы нам еще предстоит затронуть, равно как и употребленное им словосочетание «умный человек». Сейчас вернемся к только что процитированным мемуарам. В них приведен еще один разговор, свидетельствующий о важности, которую имела для Маленького Альфы тема незаметной жизни:

Мне он всерьез советовал бросить критику и газетную работу. «Вы должны сделать специалистом по какому-нибудь редкому и почти неизученному поэту, — говорил он. — Возьмите, к примеру, Симеона Полоцкого и занимайтесь исключительно им. Тогда с вами станут считаться». «Кто?» — спрашивал я. «Другие специалисты, которые будут меньшей, чем вы, квалификации. Но чтобы они были меньшей, представляете, сколько труда вам придется положить на это!» «Но мне неинтересен Полоцкий», — говорил я. «Ну, кто-нибудь другой из малоисследованных, — говорил он. — Это верный кусок хлеба и почти гарантированный шанс ни во что не вляпаться! Хотя, — вдруг возражал он сам себе, — ничего у нас гарантировать нельзя»¹⁷.

Иметь верный кусок хлеба и при этом гарантированный шанс ни во что не вляпаться. Именно такой судьбы Маленький Альфа хотел и для своей дочери, и для своего внука. Для этого надлежало стать специалистом по кому-нибудь (чему-нибудь) редкому и неизученному. Дочь пошла именно по этой стезе, выбрав для изучения весьма экзотический материал; внук же в конечном счете уклонился в сторону материала довольно хорошо известного. Но прежде чем найти свой путь, внук потратил время на поиски себя в разных сферах. Во второй половине 70-х годов внук, ставший к тому времени студентом, приехал навестить деда и дал ему прочитать свою пробу пера — совершенно бездарный рассказ, представлявший собой холодный поклеп на наших людей и нашу действительность. Прочитав пробу пера, Маленький Альфа повел себя предельно мягко и дипломатично, но было ясно, что он пришел в ужас. В ужас его привела не бездарность внука (хотя она была ему, конечно же, очевидна), а две совершенно другие вещи — во-первых, идейное направление рассказа, а во-вторых — предполагаемое стремление внука заняться писательством вообще. С максимально возможной убедительностью Маленький Альфа принялся уговаривать внука сойти с этого пути, который не приносит человеку ничего, кроме бед — поскольку, идя по этой стезе в наших условиях, человек непременно во что-нибудь вляпается. К счастью, внук и сам испытывал сильнейшие сомнения по поводу своих творческих способностей, поэтому долго убеждать его не было никакой нужды.

Но дело не сводилось к превентивной цензуре. Если Маленькому Альфе получалось организовать подборку писательских писем с гневным осуждением какого-то проштрафившегося брата — он садился на телефон, обзванивал писателей и аккуратно исполнял поручение. Вздыхал ли он при этом, нам неизвестно; нам почему-то кажется, что нет. Взялся за гуж — не говори, что не дюж.

Все нижеизложенное написано в поисках ответа на один вопрос: как все это увязывалось в данном конкретном человеке? Полная, почти совсем не скры-

16 Красухин Г. Стежки-дорожки. Литературные нравы недалекого прошлого. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 145—146.

17 Там же. С. 145.

ваемая, антипатия к советскому строю — и исправное служение этому строю, включенность в высокие разряды чиновной иерархии, многолетнее пользование номенклатурными благами? Личностная яркость — и стремление не высвечиваться?

Еще в XVI веке Этьен де Ла Боэси поставил вопрос о причинах, по которым люди добровольно отдают себя в рабство. В XX веке вопрос, поставленный в «Рассуждении о добровольном рабстве» Ла Боэси, стал одним из главных. Среди прекрасных книг, этому вопросу посвященных, — «Слепящая тьма» Артура Кёстлера, «Порабощенный разум» Чеслава Милоша и мемуарно-аналитическая проза Лидии Гинзбург. С текстами Гинзбург книгу Милоша сопоставил Григорий Дащевский в короткой рецензии 2011 года на русское издание «Порабощенного разума». По точной, как всегда у Дащевского, формулировке, тема Милоша — «то, как люди убеждают себя в правильности коммунистической доктрины с помощью рассуждений». Тема Гинзбург, по его же формулировке, — как люди «ищут “участки таждества” с победившей реальностью или прямо признают этой реальности правоту». Был еще один вопрос, остро интересовавший Гинзбург, — вопрос о психологии так называемых проработчиков — людей, бравших на себя ведущую роль в кампаниях по коллективному обличению (фактически гражданской казни) тех или иных представителей интеллигенции. Психологии проработчиков Гинзбург посвятила несколько набросков в своих записных книжках. Но все же главная ее тема — именно сознание обычной интеллигенции: как, с помощью каких механизмов интеллигентское сознание находило в себе способы оправдать советскую действительность. Однако тема, воплощенная в нашем герое, отличается и от темы Милоша, и от темы Гинзбург. Ни он, ни она почти не интересовались темой либерального, или просвещенного, начальства. Речь идет о профессиональных слугах режима, у которых исправное служение режиму сочеталось с личной приверженностью автономным культурным ценностям, с широтой культурных вкусов и с вольнодумством. Существование такой категории людей общеизвестно, многие фигуры такого рода мы можем перечислить поименно — но их внутренний мир не осмыслен вообще или осмыслен поверхностно, с помощью стереотипов и штампов: слишком многое здесь казалось само собой разумеющимся — и/или недостойным обсуждения. Им не досталось ни своего Милоша, ни своей Гинзбург. Между тем здесь должны были работать свои психологические механизмы, позволявшие обеспечивать существование двух ценностных порядков в одном отдельно взятом сознании; механизмы, позволявшие человеку оправдывать себя; механизмы, повелительно заставившие сделать именно такой, а не другой жизненный выбор. Маленький Альфа нам важен как один из представителей этой категории людей, и изучение его индивидуального психологического случая мы рассматриваем как один из подступов к изучению этой категории в целом.

В конечном счете нас будет интересовать соотношение между характером и типом. Отношение между личностью актера и его социальной ролью. Какие черты личности данного индивида нашли себе выход в исполнении данной роли? Каким образом он «выигрался» (словечко из театрального жаргона, которое ввел в поэзию один из любимых поэтов Маленького Альфы) в эту роль и какие личностные ресурсы ему в этом помогли? Имелись ли другие ресурсы, которыми для этого пришлось пожертвовать, которые пришлось подавить, чтоб не мешали? И насколько удачно он сыграл эту роль? Сидела ли она на нем как

влитая? Или, наоборот, ему было в ней тесно, и она трещала на нем по швам? Или же, наоборот, масштабов его личности не хватало, чтобы сыграть эту роль во всех подробностях, и она болталась на нем, как непомерно широкий пиджак?

Чтобы дать свой ответ на эти вопросы, нам нужно проследить персональную историю Маленького Альфы и построить некую модель его личности. Но ресурсы (опять это модное слово), которыми мы располагаем для решения этой задачи, распределены крайне неравномерно. Вся профессиональная сторона жизни Маленького Альфы документирована крайне формально, если не считать позднейших мемуаров (главные из которых цитировались выше): мемуары эти рисуют старого Маленького Альфу, то есть ничего нам не говорят о его становлении. Наоборот, личная сторона его жизни документирована гораздо содержательнее. Имеются, во-первых, его письма к первой жене и к дочери; в сумме они охватывают период с 1935 по 1958 год. Имеются, далее, несколько писем дочери к нему за разные годы; два принципиально важных письма жены; три письма женщины, которая одно время была очень близка с ним. Наконец, имеются свидетельства очевидцев: свидетельства внука Маленького Альфы и сохранившиеся в памяти внука отдельные свидетельства матери (то есть дочери Маленького Альфы) и подруг бабушки (то есть первой жены Маленького Альфы). Все это вместе взятое дает материал для суждений о характере Маленького Альфы, о его приватных мнениях и о переломных моментах его биографии.

Итак, наш маршрут будет обходным: познакомив читателя с нашим героем, мы надолго погрузимся в историю его личной жизни — с тем чтобы в конце вновь вернуться к вопросу о его социальной роли.

Глава 2

Фон для портрета

«Потерянное поколение» или «несостоявшееся поколение»?

— Вот кто вы такие! И все вы такие! — сказала мисс Стайн. — Вся молодежь, побывавшая на войне. Вы — потерянное поколение.

Эрнест Хемингуэй. Праздник, который всегда с тобой

Майкл Коули, издатель, писатель и историк американской литературы парижского послевоенного периода, писал, что термин, который стал известен благодаря Гертруде Стайн, продолжительное время соответствовал определению, данному ею. По его мнению, причины заключались в отрыве от своих корней, отрыве от предшествующих религиозных и иных культурных традиций — это поколение было потеряно, поскольку «было подготовлено к иной жизни, отличной от той, что сложилась после войны, поскольку жило в эмиграции» <...> В романе «Три товарища» <...> Ремарк также дает характеристику и самому этому «потерянному

поколению». Это люди жесткие, решительные, признающие только конкретную помощь, ироничные с женщинами. Чувственность у них стоит впереди чувств («Википедия», «Потерянное поколение»).

Поколение, родившееся в Российской империи в 1906—1912 годах, было похоже на европейское «потерянное поколение» этой оторванностью от корней, утратой традиции. Но в отличие от европейского «потерянного поколения», оно не было объединено общим событием, осознанное переживание которого формирует генерационную общность. Их сформировало не событие, а время — время «непрерывной тряски», сужающихся, но все-таки не до конца еще ликвидированных возможностей, диффузных угроз и общей неустойчивости. Но сформировать подлинную генерационную общность не позволяли два отсутствия: 1) отсутствие общего для всех События — и 2) отсутствие всякого места для формирования своей среды. Поколения в полном смысле слова у этих людей не было. В распоряжении у большинства из них не было понятия «мы» как рамки для самоотождествления с группой. Это было случайное множество индивидуальных судеб, не сплавленных в единое целое. Точнее всего будет назвать это множество «несостоявшимся поколением» или «расфокусированным поколением».

Если говорить о творческих достижениях каждого из них, то здесь имелось два типа условий: два необходимых и одно достаточное. Двумя необходимыми условиями были благосклонность судьбы (важная в эту эпоху как ни в какую другую) и личный талант. Достаточным же условием (встречавшимся у этого поколения так редко, как у мало какого другого) был основательный и сохранный социальный и культурный капитал: ранняя и не прерывавшаяся включенность в школу, среду и традицию. Таким капиталом обладали считанные единицы из этой когорты, прежде всего — Шостакович (1906 г.р.; резко индивидуальный случай и в биографическом, и в психологическом, и в творческом плане), а также будущие великие балерины Семенова (1908 г.р.), Уланова (1910 г.р.)¹⁸ и ее подруга и ровесница Вечеслова. Формирование всех четырех отличалось большей или меньшей непрерывностью семейной, школьной и профессиональной традиции. (Применительно к Семеновой воспитывающую роль, в прочих случаях принадлежавшую семье, взяла на себя подруга матери.) Огромной удачей для всех четырех была их несвязанность со словесным творчеством; именно бессловесность их искусства позволила им так успешно и полно (при всех понятных оговорках) реализоваться: в этой бессловесности и состоял главный подарок судьбы по отношению к ним. В гораздо худшем положении были поэты, принадлежавшие к этой возрастной группе: Николай Дементьев (1907 г.р.), Дмитрий Кедрин (1907 г.р.), Борис Корнилов (1907 г.р.), Арсений Тарковский (1907 г.р.), Павел Васильев (1910 г.р.), Константин Симонов (1910 г.р.), Александр Твардовский (1910 г.р.), Семен Липкин (1911 г.р.)¹⁹. Среди поэтов этой возрастной группы в наилучшем положении оказался самый старший — Семен Кирсанов (1906 г.р.): он родился достаточно рано, что-

¹⁸ Годы рождения во всех случаях приводятся по новому стилю.

¹⁹ Мы не включаем в этот список Ярослава Смелякова: при всей своей личной близости к П. Васильеву и к Б. Корнилову он родился в 1913 году и по складу своего ума и душевного склада был в большей степени человеком сталинского времени. Разумеется, границы между поколениями почти всегда в большей или меньшей степени размыты и условны.

бы успеть стать членом ЛЕФа, тем самым подключиться к ясно определенной культурной преемственности и выработать в рамках этой преемственности свою оригинальную и вполне устойчивую поэтику. Определенностью и оригинальностью отличалось творчество и другого литератора, родившегося в 1906 году и сформировавшегося в лоне дареволюционной по своему происхождению литературной среды, — Даниила Андреева (как известно, его жизнь оказалась несравненно более трагичной, чем жизнь Кирсанова). Но в целом устремления этой когорты поэтов плохо складываются в четкую последовательную линию; в целом для этой когорты характерна недостаточная определенность. Автор предисловия к посмертному собранию стихотворений и поэм Бориса Корнилова говорит о «смутной неприкаянности», «смутной неустойчивости», отличавших фигуру Корнилова и выразившихся во всем его творчестве²⁰. «Его эволюция лишена четких граней и жестких поворотов», отмечает тот же автор²¹. Как нам кажется, этот хронический дефицит определенности и твердости действительно может быть понят как функция от социальной неприкаянности. «Драма отрыва от родных корней, испытанная Корниловым в начале пути, отложилась в его существе вечной смутой», — резюмирует автор²². Маленького Альфу с Борисом Корниловым не сближало ничего, за вычетом самых общих параметров: приблизительно взятого времени рождения, страны рождения, ну и еще любви к литературе. Но драма отрыва от прочной культурной преемственности — это, как нам кажется, и есть та исходная травма, которая объединяет большинство фигур данной возрастной группы, взятой в целом. Эта травма объясняет и исходный надлом их личностей, и специфическую надломленность их биографий.

Еще печальнее выглядит череда прозаиков и драматургов, принадлежащих к этой возрастной группе. Лев Шейнин (1906 г.р.), Лидия Чуковская (1907 г.р.), Александр Авдеенко (1908 г.р.), Семен Нариньяни (1908 г.р.), Павел Нилин (1908 г.р.), Петр Тур (1908 г.р.), Михаил Маклярский (1909 г.р.), Юрий Герман (1910 г.р.), Александр Кривицкий (1910 г.р.), опять же Симонов (1910 г.р.). Конъюнктурщики, лишенные ярких способностей. Столь же раздробленно-унывую картину дает перечень литературоведов и литературных критиков этой возрастной группы. Д.С. Лихачев (1906 г.р.); специалист по теме «Лев Толстой и культура Востока», фронтовой знакомый Маленького Альфы А.И. Шифман (1907 г.р.); мастер популярных разысканий, посвященных биографии Лермонтова, Ираклий Андроников (1908 г.р.); мастер конформистского официозного академизма Вл.Н. Орлов (1908 г.р.); непримиримый боец идеологического фронта А.Л. Дымшиц (1910 г.р.).

«Боренька знал, когда проснуться», — сказала Ахматова о Пастернаке, который, будучи ребенком, проснулся и вышел из комнаты как раз в тот момент, когда к его отцу пришел Лев Толстой. «Так вот когда мы вздумали родиться», — написала она же о своем поколении, переосмысливая страшную его (поколения) участь как неслыханную историческую удачу, в духе тютчевского «Цицерона». Развивая эту ахматовскую метафорику применительно к поко-

²⁰ Аннинский Л. Борис Корнилов // Корнилов Б. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья Л.А. Аннинского; сост., подгот. текста и примеч. М.П. Берновича. М.: Советский писатель, 1966. С. 8, 19, 20.

²¹ Там же. С. 14.

²² Там же. С. 17.

лению Маленького Альфа, можно сказать, что эти люди выбрали исключительно неудачное время, чтобы родиться. У большинства из них сознательное существование полностью совпало с существованием советской власти; этому большинству не суждено было выйти за рамки этой власти ни в юности, ни в старости. Подавляющему большинству достались в удел «непрерывная тряска», униженность, второсортность и безысходность.

С.А. Рейсер — 1905 г.р.

М. Аронсон — 1901 г.р.

Н.И. Харджиев — 1903 г.р.

Т.С. Гриц — 1905 г.р.

В.В. Тренин — 1904 г.р.

М.М. Никитин — 1906 г.р.

Л.Я. Гинзбург — 1902 г.р.

Э.Г. Герштейн — 1903 г.р.²³

Глава 5

Бифуркация

Дочь говорила внуку: «Мне кажется, перелом произошел в нем в годы войны. Он убедился в колossalной силе и беспощадности этой машины. Пришел к выводу, что пытаться противостоять ей — бессмысленно. И решил ей служить».

Сам Маленький Альфа во 2-й половине 70-х годов излагал внуку свою концепцию российского политического режима приблизительно следующим образом: «Существует система. Ее естественный способ существования — экспансия. Она постепенно расширяется все дальше и дальше, захватывая все новые и новые участки жизни. До тех пор, пока не достигает естественных пределов роста. Достигнув естественных пределов, система начинает сокращаться, отступать. Пока не достигает естественных пределов сокращения. Тогда она начинает снова наступать. В этом чередовании расширений и сокращений система и существует».

Итак, в основе решения было исходное ощущение безнадежности. Полное отсутствие иллюзий и надежд.

О воздействии призрачного успеха на людей: «Люди, чвавясь, переживают самих себя. Это, пожалуй, хуже смерти» (из письма к жене от 03.01.43).

О надеждах на лучшее будущее: «Ни в какое сравнение не идет с масштабами предстоящего, с безмерными лишениями людей и их наивной верой в завтрашний день» (из письма к жене от 24.11.44).

Об утрате себя: «А со мной живи в мире, сударыня, с больными не спорят, на усталость не обижаются. Я приеду в Москву, и ты по глазам поймешь: другой человек. <...> Я очень много потерял за два года, кажется, все, даже себя...» (письмо к жене от 15.09.43).

Но почему он, признав окончательное крушение прежнего проекта, основанного на поиске славы, не отказался уйти с арены вообще? И почему он не

23 Фрагмент заканчивается списком имен, представляющим собой рабочие заметки С.Л. Козлова для второй главы. — Примеч. публикатора.

выработал никаких донкихотских проектов служения людям? Мне кажется, здесь сыграли роль две мотивации: 1) его тотальная отделенность от других людей и 2) его гордыня. Абсолютный отказ выглядеть побежденным, быть объектом чьего-либо снисхождения. «Пуще всех утрат и опасностей боюсь смешного положения» (из письма к жене от 24.11.44). В итоге он выбирает карьеру служаки с реальными шансами постепенного продвижения по службе.

Глава 7

Что остается людям

В январе 1969 года домоправительница Маленьского Альфы уехала на пару дней в Москву. Маленький Альфа остался на даче один с внуком. Утром он сообщил внуку, что их посетит новая знакомая. Внук не мог знать, что вскоре эта знакомая станет новой женой Маленьского Альфы; тем не менее он сильно насторожился. Вполне публичное знакомство Маленьского Альфы с этой дамой произошло на глазах у внука минувшей осенью, и сегодняшний визит, по ощущениям внука, знаменовал переход знакомства в совершенно новую стадию. Пикантность ситуации состояла в том, что дама была близкой подругой домоправительницы, и сегодняшний визит означал полную перекодировку их отношений. Маленький Альфа воспользовался первым же представившимся за несколько месяцев моментом свободы, чтобы пуститься вольное плавание.

Дама приехала после обеда. Все происходило в присутствии внука, то есть подчеркнуто благопристойно. Насколько помнит внук, визит состоял из двух частей: сначала большая прогулка, а после нее — файф-о-клок на веранде дачи в наступавших сумерках. Чтобы не возвращаться к описанию файф-о-клока, сразу скажем, что Маленький Альфа раскупорил бутылку вина и произнес в честь гостьи, неотрывно-многозначительно глядя ей в глаза, медленно роняя слова, чрезвычайно длинный и мутный по содержанию тост, более напоминавший стихотворение в прозе. В основу тоста он положил идею послойной дегустации вина: «Первый слой — то-то и то-то... Второй слой — то-то и то-то...» У внука сосало под ложечкой, но в то же время было интересно, и внук до сих пор сохраняет благодарность Маленькому Альфе за этот опыт: когда бы и где бы еще он увидел такую сцену соблазнения? Разве что в фильмах какого-нибудь Висконти из декадентской жизни.

Однако вернемся к тому, что происходило «двумя часами ранее» (как пишут теперь в фильмах и сериалах). Итак, Маленький Альфа, его новая знакомая и внук отправились на прогулку. Обыкновенно, говоря про дачный поселок «Современной газеты» и про сопредельные ему писательские дачи, их называют «перелыгинскими», но на самом деле все эти строения находятся не в Перелыгино, а рядом со следующей железнодорожной станцией — Лысенковец. По отношению к Перелыгину эти домики располагаются на крайнем отшибе. Но весь этот мирок мыслился его обитателями как планетная система, в центре которой находился перелыгинский дом творчества писателей. Именно к нему притягивала невидимая гравитация всех обитателей «лысенковской» периферии. В годы, когда внук Маленьского Альфы, будучи дошкольником, проводил время, играя в машинки перед воротами дедовской дачи, он регулярно видел

этих обитателей, уже с утра быстрой походкой устремлявшихся с самой оконечности «лысенковского» селлента, от водокачки, к невидимому центру, к дому творчества. Люди эти казались внуку какими-то странными с виду. Особенно поражало внука загадочное существо непонятного возраста, со сморщенным, как печеное яблоко, лицом, седыми волосами и по-юношескистройной, осанистой фигурой, закованной в обтяжной английский костюм, из которого торчали открытые до колена тонкие ноги в черных чулках. Цокая каблучками, существо это быстро шло в направлении Перелыгина; так происходило по несколько раз за неделю. В конце концов внуку не выдержал и, описав существо своими словами, спросил у старших, кто это. Выяснилось, что это была одна из последних возлюбленных знаменитого поэта-символиста, литературный критик Эрнестина Гумпович. Внуку оставалось только гадать, сколько же ей лет.

Маленький Альфа, его знакомая и внука отправились по этому же, неизбежному для литераторов, маршруту: из Лысенковца в Перелыгино. По пути Маленький Альфа развлекал гостью обычными для тех мест рассказами о жильцах близлежащих дач. Они уже прошли добрую половину пути в Перелыгино, когда на дороге перед воротами одной из дач они увидели одинокую фигуру какого-то человека. Когда они приблизились к человеку настолько, что стало можно разглядеть его лицо, Маленький Альфа сказал: «Вот стоит классик».

Действительно, в паре десятков метров от них, с брезгливой мрачностью глядя по сторонам, одетый в ярко-терракотовую дубленку, с роскошной пышковой шапкой на голове, стоял автор «Святой травы» и «Колодцев забвенья». (Ни «Полумесяц изумрудный», ни «Все тот же запах роз» тогда еще не были напечатаны, да, вероятно, и написаны еще не были. Скорее всего, он работал тогда над «Осколками волшебного фонаря».) Его стройность, офицерская выправка и общая моложавость были поразительны. Только негнувшиеся ноги выдавали возраст.

Итак, Маленький Альфа сказал: «Вот стоит классик». И продолжил: «Живой классик. Вы думаете, он сейчас размышляет...» О чем, по мнению Маленького Альфы, было бы уместно размышлять живому классику, внуку решительно не помнит — как не помнит он и эффектного снижающего пуланта, ради которого была построена вся эта конструкция. Зато внуку сразу же уловил главное — практическую цель рассуждения: покрасоваться перед дамой. Продемонстрировать волшебный мир, к которому принадлежит говорящий, — и продемонстрировать свое равноправное положение в этом мире. С решением этой последней задачи получилось как-то не очень: классик с самым брезгливым видом смотрел на них и сквозь них. Маленький Альфа нахохлился, плотно сомкнул губы, выставил вперед свою и без того выдающуюся верхнюю губу и важно прошелествал со спутницей и внуком мимо классика. Поравнявшись с классиком, он слегка повернул голову в его сторону, с каменным лицом слегка кивнул и одновременно, чуть разжимая губы, прошелестел: «Здрсьть». Классик дождался этой реплики, сделал паузу и, не кивая, не меняя надменного выражения лица, слегка дернул губами. Никакого «Да так, брат, всё так как-то» не просматривалось и в намеке. Субординация была наглядно явлена со всей возможной несомненностью. Впрочем, спутница Маленького Альфы предпочла воспринять это как почетную ничью и осталась, кажется, более чем довольна зреющим.

Когда внуку наблюдал всю эту сцену, ни один сотрудник «Современной газеты» еще не делился в печати своими воспоминаниями и внуку неоткуда было узнать, как его дед, совсем незадолго до этой встречи, рекомендовал уда-

лить имя классика из списка кандидатов на газетное интервью. А вот классику этот печальный факт вполне мог быть известен — и тогда его демонстративное презрение становится понятно вдвойне. Тень, знай свое место. Хотя, с другой стороны, годился ли сам классик на роль судьи? Всякому заинтересованному читателю известно, что нет, не годился, совсем не годился. И письма подписывал беспрекословно, и кричал возлюбленной другого классика оскорбительные вещи вперемежку с политическими угрозами. С этой точки зрения — какая была разница между классиком и Маленьким Альфой? Оба — перед властью презренные рабы, оба пользуются с соизволения режима дачей в Перелыгино. Оба понимают свои обязанности перед режимом и готовы ради собственного (и своих близких) благополучия эти обязанности исполнять. Нет, с этой точки зрения у классика не было решительно никаких оснований демонстрировать свое превосходство над Маленьким Альфой.

Но такая точка зрения, апеллировавшая к абсолютным критериям, была тогда еще сравнительно экзотической.

Приложение

<Из семейного архива>

1. [Письмо без конверта]

М. 16.VI.41

Видимо, где-то в дальнем уголке твоего сознания еще гнездится сожаление о потерянном, раз ты, повинуясь этому чувству, добром поминаешь «светлую, чистую голову».

Но потревоженной совести нужны любые доказательства, даже мнимые, чтобы оправдать свой выбор. Не потому ли ты утешаешь себя мыслью, что человек, который отдал тебе 10 лет своей жизни, наделен «холодным, эгоистичным сердцем и мало чистоплотной душой»?

В память 12-го июня 1931 года не стану отвечать той же монетой.

Будем надеяться, что к тебе придут покой, здоровье, сознание правоты своей, ощущение внутренней свободы и независимости.

Это иногда вполне заменяет счастье. Спасибо, что в тревогах и радостях курортного бездельничанья не забыла о нашем своеобразном юбилее.

Арт. Тертерян

2.

Иваново, 23.VIII.42

Милейший Котович!

Рад стихам Дудулевича, а письмом твоим огорчен. В нем слишком много недомолвок, обмоловок и такого, чем обычно отличается душевное смятение. Признаться, подумал, не обманулась ли ты в птичке певчей из Госплана. Когда женщина желает верить любящему человеку, ей кажется, что весь мир смеется над ней, что весь мир — подлецы, скрывавшиеся до поры до времени под маской добропорядочных людей. Но обо всем этом — после. Условия не позволяют сейчас разобраться в паутине переживаний 30-летней женщины.

Сегодня я уезжаю. Куда? Это все равно. Я спокоен. Только ночью в поле было сыро и холодно. Жизнь сложилась с юношеских лет не по плану, нескладная, скучная, сырья, холодная жизнь, совсем как ночь в степи перед отъездом. Даже в зените своего благополучия я с сожалением относился к самому себе, как, скажем, поэт, вынужденный единственными свои творения записывать на березовой коре. Сердце редко принимало участие в тех комбинациях, которые выбрасывались на костях судьбы. Человеку с таким горестным сердцем и опустошенным умом, полезно пройти испытание огнем, железом и кровью. Встречи лицом к лицу со смертью иногда бывают благодетельными.

24.VIII. Утром проехали Москву. Не удалось взглянуть на Дудуловича. Когда-то увижу дочуру? Прошу, почаше рассказывай ей об отце — бравом вояке. Дети любят эти рассказы, а твой будет недалек от правды.

Жаль, что не получила моих предыдущих писем. Вагон безбожно трясется, и писать приходится урывками. Мчимся не хуже курьера, почти без остановок. Трудно беседовать с 30-летней женщиной под шум и лязг, под рев песен и взвизгивание гармошки.

Напишу обо всем подробно с фронта.

[На обороте предыдущего письма:]

Дорогая дочура!

Получил твои стихи. Прелесть, как хороши! Одна беда: пишешь ты еще плохо; надо больше упражняться в письме. У поэтов должен быть легкий и красивый почерк. Бери пример с Пушкина и Лермонтова. Они уже в детстве писали грамотно и легко, не пропуская букв и запятых, как ты. Заключим договор: ты ежедневно становишься переписывать страничку из книги, а я буду ежедневно убивать по фрицу. Идет, Дудулович? Сообщи, принимаешь ли мои условия.

Вышли на фронт твою карточку, давно уже не видел твоей худой большеглазой мордочки.

Целую тебя. Твой

Папа.

3. [Почтовая карточка. На штемпеле полевой почты дата; 15.11.42. На обороте — датировка, осторожно проставленная чужой рукой (бабушкиной?): 12.XI.42. (А может быть, и дедушкиной.)]

Москва, Новая площадь 12, кв. 7

Юлии Михайловне Тертерян

Адрес отправителя: «1601» полевая почта, часть 121

Тертерян Артур Сергеевич

Милый Котович!

10 дней я провел в скитаниях, переходя из части в часть. Они, эти скитания, не кончены и по сей день. Воздержись пока от писем по старому адресу; будет новый. Посылку затребуй обратно; я ее не получал и, конечно, теперь не получу. Трудно сказать, что мне сулит новая перемена. Покажет будущее.

В степях уже мороз [далее вымарана почти строка до конца фразы]. В довершение всех бед распухло колено, и я забавно ковыляю по дороге.

О впечатлениях и наблюдениях пути — в письме.

Целую

Артур

4. [Почтовая карточка. На штемпеле полевой почты дата; 16.11.42. На обороте — датировка, осторожно проставленная чужой рукой (бабушкиной?): 12.XI.42.]

Москва, Новая площадь 12, кв. 7
Инне Артуровне Тертерян
Адрес отправителя: «1601» полевая почта, часть 121
Тертерян Артур Сергеевич

Дорогая дочурка!

Волга — матушка, а Дон — батюшка. Он уже заковался в льды, извилистый и молчаливый. Летом здесь очень красиво; сейчас холодно и пусто. Думал обнять свою дочку, но встреча вновь откладывается. Вот побьем немца на Дону, тогда можно и домой заглянуть.

Крепко целую мою умницу.

Папа

5. [Письмо без конверта]

3.I.43

Милейший Котович!

Надеюсь, ты получила подарок для Инухи и поздравительное послание в конце ноября, они, надо полагать, пришли в срок. Письмо с материнским [поцелуем?] дошло до меня с опозданием. Случилась пренеприятная история с ногой, месяц провался в постели, лежу в ней и сейчас, но, право, даже острить по поводу качества этих самых поцелуев нет сил. А жаль, случай удобный, просто редкий случай.

Лежа писать тяжело; буду краток. Ты, судя по тону, таишь обиду на меня. За какие грехи? Неужели за старые? Все мыслимые грехи я искупил на три жизни вперед за последние два года. Могу выслать тебе индульгенцию. Столичной даме она пригодится. Ты низвела себя с небес на землю и теперь с библейской неукротимостью спрашиваешь: «кто бросит в меня камень?» Не я, дорогая. Уверен, что суд твоей совести строже всех моих возможных укоров. Печально, что не могу потолковать с тобой с глазу на глаз. Как объяснить тебе, что важно другое. Важно знать, совместимы ли семейная жизнь и сознание непоправимости происшедшего. Напрасно ты затронула эту тему; пойми, что мне с дурацкими особенностями моего характера очень трудно в этом разобраться. Вот я и отдельываюсь шуточками. А ты торопишься или тебя торопят. Однокому и стареющему человеку иногда становится тошно от ясности, которая его нагоняет. Я убедился, что ты женщина. Для меня этим все сказано. Но перед Инухой я в большом ответе, и это заставляет вновь обращаться мыслями к будущему.

Боюсь, ты опять придерешься к слову, ты вновь сошлешься на вздорный слух, благо [левиных?] на белом свете не убавилось. Прошу тебя, не надо. Я тут, Котович, совершенно чист.

Если тебе покажется чепухой все, что я проблеял, напиши в ответ побольше об Инухе. Узнает ли она меня? Похожа ли она на Дудуловича образца 1940 года?

Рад за Блока и всю приснопамятную ватагу. Как далеко все это, невозвратно далеко!

Люди, чванясь, переживают самих себя. Это, пожалуй, хуже смерти.

Целую.

Артур.

6. [Письмо без конверта]

30.III.43

Милейший Котович!

Весна робко зашагала по асфальту столицы. В канцеляриях защелкали соловьи, и ты всем сердцем, всем телом, всем сознанием вслушиваешься в картавую речь пернатых обольстителей.

Зимой, оправдывая твое молчание, я винил почту. В марте имя виновному — соловей. Что поделаешь, Котович, с сердцем? Ему нужен собеседник. Век идиллий погребен под залпы гаубиц, но дамское естество готово и стрекот арифометра объявить весенней мелодией любви. Попробуй тягаться с пернатыми обитателями тыловых учреждений! Их броня — гербовые печати; моя — тонкий слой эпидермиса. Им — дружба стареющих женщин, мне — изыскания по части орнитологии. Признаюсь, я не в накладе. Издавна влекли меня нравы птичьего мира. Тема моей будущей диссертации «Тыловой соловей — кукушка». Судя по моим наблюдениям, соловьи-канцеляристы, соловьи-плановники, соловьи-снабженцы охотно кладут яйца в чужие гнезда, уподобляясь кукушкам-вдовицам.

Все это, милочка, не имеет прямого отношения к твоим избранникам. А ополчился я против рулад соловьиных по той простой причине, что они мешают тебе уплатить старый долг: прислать письменный отчет об успехах, здоровье и поведении Инны Артуровны. Знаю, что под твоим неусыпным надзором заботливые руки бабушки воссоздают гения грации в лице моей дочери, но смутное беспокойство не покидает меня, когда я вспоминаю сырье углы виллы на Новой площади и микроскопические талончики, ограничивающие радости чревоугодия.

В добрые времена Дудулович любил углубляться в тарелку. С барским пренебрежением он дожевывал яблоко, кося глазом в сторону мандарина. Сон настигал врасплох это существо с липкими от конфет пальцами.

Война уравняла аскетов и чревоугодников. Авитаминоз стал достоянием эпохи. Со страхом рассматривает бугристую кожу красотка Дора; исходит прыщами, розовыми и крупными, публицист Кривицкий; кокетливо драпирует платочком чирей на затылке Шелли, обаятельная Шелли. Надеюсь, Дудуш не найдется места в музее нарушения обмена веществ. Полагаю, что она унаследовала от матери здоровую, упругую кожу. Несколько гусиная шершавость — не в счет. Это фамильное отличие.

Ты, Котович, прости меня, балагура. Зубоскальство — мой корень, как говорит наш повар Костя: «другой бы с горя удавился, а он вдоль гроба с веселой песней». Сокровищницу пороков растерял за 7 месяцев по фронтовым дорогам. Остался один маленький — балагурство. Берегу его, как талисман. Впрочем, прибегаю к нему все реже и реже. Дает себя чувствовать переутомление. Думал побывать в Воронцовграде, отдохнуть малость перед летними испытаниями. Ничего не вышло: задержался по дороге с месяц назад, повинуясь ассоциации по сходству, вспомнил знаменитый Шахтинский процесс. Занятно наблюдать смыкание географии с политикой.

Недавно встретился со старым сослуживцем Дубовицким, он участвует в боях первом. Он неуклюже поцеловал меня в небритую щеку и, округлив от сострадания близорукие глаза, сказал: «Ах, постарел ты, брат, очень постарел».

Только получил твое письмо. Спасибо за добрые пожелания. Хоть и трудно мне повторить Стalingрадскую эпопею, но при случае постараюсь. Иногда мне кажется, что такие вещи нельзя повторить дважды. Это, наверно, от самомнения. Можно и должно! В старой части меня представили к награде. Что стало с ней — не знаю, скорей всего ходатайство затерялось в канцеляриях различных инстанций. В новой части надо, конечно, заслужить работой право на награду. На это тре-

буется время, много времени, больше, чем на поиски олифы²⁴. Ходят упорные слухи, что меня переведут трудиться по специальности. Вот еще одна задача, для разрешения которой нужны время, бесчисленные анкеты и ходатайства. Собственно, я по лени меньше всего занимаюсь этим. Есть еще на свете бескорыстные свахи!

Печально, что тебя едва держат ноги. Впрочем, я это предсказывал, ссылаясь на конфигурацию твоих конечностей. Будем надеяться на лето. Очередные хлопоты взойдут в пригороде картошкой и капустой. Так что будет раздолье Дудуловичу хрустеть кочерыжками! Да и сама строгая татан, общественница и стахановка олифораспределения, не откажется от заветного лакомства. Мне готовится иное угощение, свинцовые кочерыжки не разгрызешь зубами, их приходится проглатывать.

Этот безотрадный факт не следует доводить до сведения Дудуловича. Пусть она знает о свинце ровно столько, сколько сообщается в учебнике химии об этом элементе. (Р.С. атомный вес — стыдно, Котович, забыл, кажется, 207.)

Целую

Арчи Тертерян

P.S. На конверте нельзя указывать военного звания, только почтовый адрес и фамилию.

7.

15.IX.43

Милейший Котович!

Что с тобой, милочка? Полтора месяца молчания твоего — дурной знак. Я стал суеверен и боюсь всяческих примет. Конечно, капустный режим — мать рассеянности; разумеется, и олифу нетрудно уподобить кастальскому ключу забвения. Но Дудулович, худой и черноглазый, кажется мне, должен напоминать всем домашним о неоплаченном долге отцу этого презабавного существа.

А отец никак не уберется прочь из этого мира. Он переезжает с места на место, давно миновал знакомые по Трекунову кварталы²⁵ и скоро увидит уголок, где цвела Вера Каплун²⁶ — орхидея, взращенная сыростью [зачеркнуто: «Новой»] виллы за № 12.

Осень, Котович, осень, надоедливая как муха. Грязь, грипп, дождь, насморк, набор полосы, машины, дураки, пшенная каша²⁷, чужие хаты, украинский говор, бессонные ночи, — что ж, это и есть жизнь, и немного война — дотянем по-солдатски, без лишнего шума.

О себе хватит. Тяжело говорить об этом непонятном [зачеркнуто: «, мало»] человеке. Лучше потолкуем о Дудуловиче. Ты отлучаешь меня от дочери — уж не наказываешь ли этим? Я не жду даже писем, только бюллетеней о состоянии здоровья Инухи. Тебя не назовешь ленивой или неаккуратной. В вашем наркомате таких не держат. Следовательно, ты молчание свое выдаешь за меру наказания, приговариваешь к нему, точно к каторжным работам.

Чем я обидел твою обескровленную душу? Неужели шутками? Их так легко извинить. Черствостью? А почему бы мне и не быть черствым? Я знал только прокуроров, — ты в их числе, — и ни одного друга в тяжелые минуты жизни. Разве не вы

24 Распределение олифы — одна из служебных обязанностей бабушки; см. предпоследний абзац письма.

25 Карандашная сноска рукой бабушки: «*Сталино».

26 Карандашная сноска рукой бабушки: «**Днепропетровск».

27 О дураках в связи с пшенной кашей — ср. также упоминание «долгого пшеничного режима» в письме к бабушке от 10.01.45.

все — вас много, а я один, — виноваты в том, что мне ничего не хочется, что я боюсь себя больше, чем будущего?

В ответ ты предъявишь список «пожертвований»: загубленную молодость, разбитую семейную идиллию, сердце, оставшееся в одиночестве... Полно, дорогая, — ведь это названия вальсов. Ты еще начнешь канитель сначала, если уже не начала. Не гневайся, я по ту сторону желания, и без злобы предрекаю тебе обыкновенный женский конец. Все вы немножко «Душечки», и это замечательно.

А со мной живи в мире, сударыня, с больными не спорят, на усталость не обижаются. Я приеду в Москву, и ты по глазам поймешь: другой человек.

Об Инке пиши хоть кратко. Я очень много потерял за два года, кажется, все, даже себя, поэтому в молчании твоем мне чудится новая страшная весть. Я заранее примирялся со всеми возможными потерями, но Инуха исключается, понятно?

P.S. Эта «письменная» истерика вызвана слякотью. Не придавай ей особого значения. Я не всегда так думаю скверно о вас и редко когда в чем обвиняю. Просто, что может быть проще, вы — славные, добрые, любящие, но немного чужие люди.

Целую галантно твои скорбные очи

Артур

8.

19.IX.44

Милейший Котович!

Ты закидала меня вопросами, хотя, признаться, я за последнее время больше привык к цветам. Отвечаю:

Дом на Соборной цел. На свете ничего не меняется, кроме нас. Тамара раздобрела, выражение лица у нее плаксивое, как у бессарабской мадонны. Ребенок отчаянно рыж и усыпан веснушками. Только снисходя к его черным глазам, я внес в их семейную кассу 300 руб. Володи не застал дома — он трудился в порту. Перебивалось это трио в Мариуполе и ранней весной вернулось к своим пенатам — пианино, ковру, кровати и мешку с пшеничной мукой. О подробностях не спрашивай, — это было в апреле, горела Пересыпь, меня ждали места, где бродили Пушкин и Овидий. Я поспел туда, но значительно позже: на бархатный сезон. Седая пыль на дорогах, бояки в фетровых шляпах, деревянные распятия у колодцев, — что сказать еще? Дудулович не ошибся: я входил с войсками в город, славившийся погромами, зелеными улицами, Пуришкевичем и кисловатым, нет, прекислым, вином.

Туго натянутая за лето пружина наступления развернулась молниеносно удавной петлей. Я видел обломок пограничного столба, а за ним — чужие холмы. Вражеские генералы, как браконьеры, хоронились в балках. На той стороне тоже звучала русская речь, и они — неразличимые [нрзб.] в пыли, с красными от солнца глазами, выходили на дороги и, сбредаясь в колонны, двигались на восток.

Впрочем, теперь это уже воспоминания. С ними нечего спешить. Ты, думаю, еще вкусишь от этого дерева, плоды которого сладки одному рассказчику.

У тебя создалось впечатление, что я иронически отношусь к твоим трудовым успехам. Неправда! Я имел случай убедиться, что ты работаешь четко, быстро, как в добрые времена. Средства для снегоборьбы и водобоязни заготовлены всюду в изрядном количестве.

За окном — тихая осень, неяркое солнце. Одолевают ленивые желания: побродить по Маршалковской, выпить чашку кофе по «варшавски», поклониться могиле Сенкевича. Чем чорт не шутит, еще сбудутся старческие мечты!

Успокой Дудуловича. Я получил письмо от ее друга Тури. Он — майор, награжден какими-то орденом, посыпает на второй, словом, воюет. О Москве не заикается. «Зап<адная> Госграница ближе», говорит.

Блок очень лестно отзывался о твоем румянце, но зато подушескребствовал о поклоннике его. Не выговаривай ему за это. Видимо, он хочет объявить твой выбор ошибкой, не понимая, что от так называемых талантливых людей усташь; они за-слоняют собой жизненные радости. Я и сам иной раз готов по этой канве вышить шутку, но это, Котович, фамильное. Я острю без злого умысла, по назначению, — мировоззрение обязывает.

А вообще я стал кротким и чутким. Седовласый праведник!

Не думаю, чтобы тебе понадобился свадебный подарок, но ко дню рождения переведу малую толику кредиток. Инухе напишу особо.

Целую твою длань.

А.

9.

24.XI.44

Милейший Котович!

Последнее письмо твое показывает, что ты сохранила давнишние повадки одичалой кошки. Только царапаешь ты не когтями, а строчками.

Как истый хищник, ты очень раздражительна. И, подобно хищнику, мало считаешься с правотой незлобивых, мирных соседей — всякой мелюзги, вроде меня.

Меня мало смущает, на какие роли предназначаешь ты мою особу. Не хотелось бы только одного: чтобы ты именем фронтового супруга прикрывала бы свои «плаконические» привязанности.

Пуще всех утрат и опасностей боюсь смешного положения. Об этом я и написал тебе, заранее уверенный в том, что ты в таком щекотливом деле найдешь способ примирить потребности сердца и чувство долга перед человеком, в течение трех лет лишенным возможности защищать свое добреое имя от друзей — самых опасных врагов чужого доброго имени.

Не гневайся на моих приятелей; с Тиграном я не переписываюсь, а Блок, кроме абзаца, к плановику не возвращался. Да и абзац-то скорей отрывок из некролога, чем из пасквиля. Нужда сделала Мэка [?] кретином, зато озлобила других ответственных работников.

Посуди сама, стоит ли нам ссориться? До конца еще долго. Впереди — тяжелый путь и не все дойдут до земли обетованной. Какой смысл разговаривать чванливо с человеком, которого, может быть, увидишь в хитоне под сенью кипарисов в раю, а не в Москве на Новой площади.

Ты, видно, решила отвечать лишь по поводу денежных оказий. Такой случай представится в январе. Хуже, что ты не можешь заставить Дудуловича написать мне. Это, наверно, называется, подготовить «ребенка» к ужасам будущего. Не торопись: как бы впопыхах не заняться «переподготовкой».

Что касается тебя, то тут мне трудно разобраться; где ахинея, а где твоя душа. Я отвык от сложностей, от изощренной символики душевных гримас. Могу сказать одно: обойдусь и без твоих писем, а понадобится — и без Инкиных, раз ты решила пустить в ход и этот козырь.

Только гадко все это и мелко — ни в какое сравнение не идет с масштабами предстоящего, с безмерными лишениями людей и их наивной верой в завтрашний день.

О чужой земле не пишу. Грязь на ней, тьма и тоска.

Целую твои коготки.

А.

10. [Сложеный вчетверо блокнотный лист без конверта]

12.XII.44

Дорогая дочура!

Очень огорчаешь ты меня своей хворью. Только невоспитанные девочки болеют во время войны. К лицу ли отличнице проводить целые недели в постели? Видишь, я даже рифмы не пожалел, так огорчен известиями о тебе, хотя рифма в речи прозаической — признак небрежности и безвкусия.

Поздравляю тебя с отличными отметками. Награждаю пятью поцелуями за каждую пятерку. Подсчитай, сколько всего поцелуев приходится на твою долю. Буду в Москве, сможешь обменять каждый мой поцелуй на плитку шоколада. Помоему, выгодная сделка. Мне в детстве за пятерку платили куда меньше — леденцами или яблоками.

Ты спрашиваешь: можно ли тебе читать Дюма. Летом я категорически запрещаю тебе возиться с книгами, — вот мой ответ. Перед тобой самая интересная книга в мире: природа. У реки, у леса, у камня, у животных и насекомых свои законы жизни, свои тайны, свои радости и печали, своя война, которая называется борьбой за существование. Учись, дочура, читать эту великую книгу. Побольше будь на воздухе, в лесу, под солнцем. Придет зима, а с долгими зимними вечерами и Дюма (заметила, снова заговорил в рифму?).

Ты допытываешься, сколько немцев я убил на фронте. Офицеру трудно ответить точно на такой вопрос. Долг офицера — руководить боем, направлять бойцов, добиваться общего успеха, а не «охотиться» за фрицами. Правда, под Сталинградом мне, штабному офицеру, приходилось идти в атаки, как рядовому бойцу. Трудные это были, Дудулевич, дни для нашей родины, и много еще хороших и умных книг напишут люди о Сталинградской битве.

Два месяца, под бомбёжкой и артиллерийским огнем, в степи, без воды провел наш полк под Сталинградом и не уступил врагу ни клочка земли. Немцы тогда были другие: заносчивые, упрямые, наглые. Они не жалели танков, бомб и снарядов, они торопились к Волге. И не дошли. Помню дни, когда в окопах оставалось не больше 20 бойцов. Умирали товарищи, но не сходили с места. Порыв ненависти поднимал горстку этих почерневших, залитых кровью людей в атаку. Наше мужество останавливало танки, и они уходили за холм, за минные поля и проволочные заграждения.

Я шел в атаки с автоматом. Мне приходилось видеть и лица, и спины немцев. Я встречал одинаково и наступавших, и бежавших: короткими очередями. Знаешь, сухой треск, автомат дрожит от сильной очереди, немец переламывается пополам или опрокидывается назад, а за ним возникает другой, — орущий и упорный.

В память об этих атаках у меня хранится медаль «За оборону Сталинграда», она мне дороже всяких наград. Но писать, дочура, обо всем этом мне сейчас трудно. Много славных друзей потерял я летом и осенью 1942 года. Они были героями. Сегодня чту я память их молчанием. Завтра, может быть, наступит минута, когда легко будет сердцу помянуть их добрым словом.

Крепко целую мою черную головку
Папа

11. ИНТЕРМЕДИЯ

[на штемпеле дата: 22.12.52]

Москва-51

Цветной бульвар, 30
Редакция Литерат. Газета
Спецкорреспонденту Тертерян А.С.

Адрес отправителя: Ленинград, 17. Ярославский просп. Дом 19 кв. 1. А.Ф. Кошелев

Здравствуй Арташес Саркисович!

Прочитал в Литературке твою корреспонденцию «Встречи и впечатления» и рука невольно потянулась к перу и бумаге. Перед глазами проплыл 1943 год с его Нагольной [sic] Тарасовкой, боями на Миусе в Донбассе. Вспомнил и 1944 год особенно его раннюю весну, бездорожье и наше передвижение вперед за войсками. Разве можно забыть, как мы буквально на себе проталкивали редакционные машины через грязь. Разве можно забыть суворого вида [sic] городо-судостроителя [sic] Николаева. А вспомним, как нас встречала Одесса! И наконец завершающим этапом Юга — бои в Молдавии, короткое пребывание в Кипре [sic] на льду. Как сейчас помню очень удачный твой заголовок к статье Шухмана о Кишеневе «Город [sic] поросший травой».

Да! Эти дни никогда неизгладятся из памяти. Большой путь прошел коллектив редакции от Иванова до Берлина. На этом большом, трудном и почетном пути было много хорошего, ябы даже сказал героического, которое запомнилось навсегда. Вспомни А.С. работу наших печатников в зимних условиях в период наступлений? Они прямо-таки делали чудеса... Особенно доставалось бедным девочкам... Сколько энергии, силы вложила Нина Петровна, а затем Шурка принимая ежедневно сводки ТАСС? Нельзя пройти мимо, и не отметить работу шоферов. Наши «гробы», взятые в 1942 г. из народного хозяйства и кое-как приспособленные под спецмашины без особых трудностей пришли в Берлин. Чья заслуга? Конечно, шоферов. У нас были недостатки, неурядицы, но они проходили для коллектива безболезненно и уже забыты. Правда, я до сих пор помню «услугу» одного товарища, оказанную в связи с праздником — второй годовщиной редакции. Это послужило уроком из которого был сделан правильный вывод.

Где-то сейчас наш коллектив: Бабенко, Вадим Собко, [нрзб.] Фай и его Олечка, Рудим — вечно невысыпающийся, Нина Петровна, Шурка, Нудельман и его ивановская подруга и другие? Хорошо бы собраться вечерком и устроить вечер воспоминаний. Это был бы очень интересный вечер. Возможно ты о некоторых знаешь напиши адреса.

Несколько вопросов к тебе? Давно ли ушел из Армии и каким путем? Конечно работает в Литературке. Как разрешил в Москве квартирный вопрос? Семейные дела? Устраивает ли работа в Литературке? Кого из наших видиш и как часто? Чиркни подробнее обо всем.

Немного о себе. В середине 1949 года перебрался из Германии в Ленинград. Этой же осенью получил полковничью папаху. Хорошо разрешился жилищный вопрос, я получил приличную квартиру. Кажется работай и радуйся. Так нет. Подкачало здоровье. Третьего января 1952 г. во время работы в кабинете произошел приступ инфаркта. Две недели пролежал на диване в кабинете (как нетранспортерный больной). Затем шесть месяцев в госпитале. Выписался с подорванным здоровьем. Два месяца был в санатории, затем прошел комиссию и признан негодным к службе в армии. В октябре демобилизовался, получил пенсию в объеме 89%. Сейчас чувствую себя уже лучше, хожу без палки. Думаю в дальнейшем состояние здоровья окрепнет. Как видиш Арт. Сарк. как складываются дела. Вот коротко и все.

Будешь [sic] в Ленинграде заходи, обязательно заходи ко мне. Адрес Ленинград Ярославский проспект, дом 19 кв. 1. А. Кошелев.

Напиши свой адрес. Возможно буду в Москве, то обязательно зайду.

12. [Письмо без конверта]

10.I.45²⁸

Милейший Котович!

Сегодня с утра вспомнился Дудулевич, его потешные словечки, большеглазая мордочка, и с особой силой потянуло в Москву. Ты ошибаешься, полагая, что достаточно одной настойчивости для такой поездки, мне нельзя и на день отлучиться, — так складываются обстоятельства.

Спасибо за письмо. Оно умное, а я по старой привычке люблю это блюдо. Особенно ценишь его после долгого пшеничного «режима»²⁹. Люди живут сейчас предошущениями великой битвы. От Вислы до Шпрее дорога вьется по дантовым кругам.

Но я не отчаиваюсь: уверен, что мы увидимся, пусть даже добрыми знакомыми. Это тоже следует ценить после трех лет одиночества.

Шутить, Котович, сегодня не хочется и вот, выходит, писать не о чем. Темнеет снег, падает на фольварк. Водки нет — только добрым словом остается почтить семейный праздник³⁰. Кстати, получила ли ты деньги? Я перевел их в первой половине декабря. Напиши, как действуют на Инуху мои нотации. Мне очень трудно выдерживать назидательный тон. Я никогда не считал себя сильным в этом жанре. В награду за мои усилия ты могла бы прислать Инкин снимок. Неужели вывелись бродячие фотографы? Мало ли что будет, — так хочется взглянуть на нее. Только пусть она не позирует. Своей карточки не шлю: сед и безобразен.

Целую твои мозолистые руки.

А.

13. [Письмо без конверта]

31.I.45

Милейший Котович!

Что за сон приснился тебе? С чего ты так тревожно раскудахталась. За три года я привык к мысли, что жизнь моя мало кого интересует, и сегодня, читая твое письмо, даже умилился. Не волнуйся: я жив и думаю дотянуть с помощью Жукова до Берлина, благо город сей недалеко. Правда, усталость одолевает, а ожидание скопрого конца усиливает ее.

Я отправил Инухе посылку: 5 кило сахара и всякую всячину. Постараюсь в ближайшее время отправить еще.

Напиши, какой номер ноги у Инухи, — может, удастся купить туфли. Жаль, что у меня нет времени заниматься хозяйственными делами, — здесь можно достать белье и мануфактуру. Отправлять посылку — это сущая каторга, и я справедливо считаю себя мучеником.

Марсианин и на вражеской земле остается марсианином!

Прости, что так мало и нескладно написал. Много хлопот и рано утром снова в дорогу.

28 10 января — день рождения Инны, дочери Маленького Альфы. 10 января 1945 года Инне исполнилось 12 лет.

29 Соположение мотива «дураков» и мотива пшеничной каши см. также в письме от 15.09.43.

30 См. дату письма.

Не тревожься, если долго не будет писем. Когда войска идут вперед, почта молчит подобно музею.

Целую

А.

14. [Письмо без конверта]

18.II.45

Дорогой Котович!

Прости, что так долго молчал. В наступлении все отходит назад, даже почта. За месяц я отвык спать ночью. И вот сегодня выдалась такая возможность, а я никак глаз не сомкну. 400 километров — славный марш. Только сейчас ничего не стану рассказывать: все переплетается в клубок. Вместо писем я отправлял тебе посылки. Получила ли ты хоть одну из них? В одной — сахар, в других — шерсть и шелк. Думаю, что найдется, чем прикрыть твою наготу и украсить юную деву. Попрошу сохранить для меня отрез на плащ (по твоему вкусу) и немного драпа на пальто. Остальным распорядись по собственному усмотрению.

При первой же возможности вышлю постельное и спальное белье. Аппарат вручи Инке. Часики вы получите из моих рук. Должен сказать тебе, что мне чрезвычайно трудно заниматься «посыльными делами», и я просто удивляюсь, как мне удалось отправить эти три посылки.

Да, последняя новость: командование наградило бравого парня Тури орденом Отечественной войны первой степени. Преимущество этого знака заключается в том, что по смерти награжденного орден высылают семье. Я много шутил по этому поводу, хотя предпочел бы как можно дольше не расставаться с этим орденом.

Целую

А.

15.

29.VIII.45

Дорогая дочура!

Я на чужбине соблюдаю

Святой обычай старины, —

могу повторить я за поэтом, отправляя тебе второе письмо, датированное августом. А ты, миленькая, чем на это ответишь? Мы переехали на новое место, но оно рядом со старым, и послания твои никак не должны опаздывать из-за этого пустяка. Сейчас здесь впервые за лето стоят жаркие дни. У меня хороший домик в саду, вокруг яблони, только вот комары досаждает. Смотри, Дудули, не превращайся в комарика, который досаждает не укусами, а молчанием.

Ищу божественного для Веры Константиновны, но найти ничего не могу. У немцев не приняты иконки и евангельские лубки. Они и в религии деловиты и экономны, эти немцы.

Я много работаю и почти нигде не бываю. Навестили меня Черняк³¹ и Саша³². Поговорили и разошлись. Напиши, где ты бываешь. Я ведь совсем в бирюка превратился. Шутка ли, четыре года не был в театре. Как сойдутся два умных человека,

31 Возможно, Ян Петрович Черняк (1909—1995) — советский разведчик-нелегал, создавший в гитлеровской Германии разведывательную сеть «Кrona». Летом 1945 года был срочно отзван в Москву; вернулся в Москву в декабре 1945-го. Никаких других сведений о возможном знакомстве Маленьского Альфы с Я.П. Черняком у нас не имеется.

32 Имеется в виду либо А.Ю. Кривицкий, либо А.И. Шифман.

начинаю позевывать от скуки. Вот какие дела, Дудуевич! Тебе выпала тяжкая миссия: быть моим столичным корреспондентом. Так и будешь именоваться: собственный папы корреспондент. Жду, дочура, первых сообщений.

Крепко целую

Папа

16.

18.II.46

Милый друг!

Податель сего письма — майор Исаак Абрамович Вамбург — начальник нашего издательства. Этому милейшему человеку я многим обязан. Он усердно хлопотал, чтобы я поехал в отпуск вместе с ним, и не его вина, что усилия эти не увенчались успехом. Прошу тебя приложить все старания и достать билет в Новосибирск.

О себе не пишу, потому что майор Вамбург, помимо всех добродетелей, еще и словоохотлив. Могу сказать, что если не заключат в «Красную Армию», то в апреле поеду отдыхать, конечно, через Москву. Прости, что так скрупульно настроение хуже собачьего (имеется в виду престарелый и шелудивый пес-скиталец).

Как Инуха? Надеюсь, оправилась. Шлю небольшую посылку, большая уже в пути.

Целую

А.

17.

30.III.46

Милейший Котович!

Установилась традиция: письма с небольшим приложением доставляют тебе из Германии фельдъегери. Не мне нарушать эти правила. На этот раз в качестве фельдъегера явится перед скорбными очами твоими Александр Иосифович. Собственно, должен был бы нагрянуть я, но пришлось уступить Шифману. Он в долгую перед наукой, а я только перед тобой, и у меня не хватило малодушия лишить секьюртоствовцев нового румяного адепта.

Ну, и по традиции — приложение. В нем ты найдешь три отреза (два, по-моему, старомодны, но прелестны), 6 пар чулок, созданных облекать три пары ножек, оставляющих следы на асфальте Новой площади, 4 пары белья, которое смело может соперничать с румянцем твоих щек, и перчатки из рыбьей чешуи, которые, по моему разумению, могут заменить на обед второе блюдо. Не говоря уже о трех плитках твердого коричневого вещества, которое немцы только из упрямства называют шоколадом.

Ты спрашиваешь, когда я буду в Москве. Полагаю, что в мае, самое позднее в июне. Твой план свезти Инуху к морю всемерно поддерживаю. Охотно присоединюсь к такому изысканному обществу, но, право, не знаю, как это сделать: где достать путевки и б-д [билеты?]. Напиши, пожалуйста, о твоих возможностях, сообщи, сколько потребуется на такую поездку втроем денег.

О себе писать не стану; А.И. расскажет обо всем подробнее. Говорят, началась весна, но я неделями не выхожу из дома и потому не берусь судить об этом. Много читаю по ночам, водки не пью, чувствую себя крайне тупым и усталым, ем мало и плохо — вот и все!

Пишет ли тебе мама? Я отправил ей еще в декабре деньги, послал три письма, но ответа не получил. О Мише также ничего не знаю. Он, видимо, уехал с эшелоном, а эшелоны идут на восток очень медленно.

Крепко вас целую.

А.

18. [Письмо без конверта]

21.VI.48

Милый друг!

Сообщаю впопыхах последние новости: путевка в Сочи у меня с 6 июля. Очень хочу, чтобы ты и Инна обзавелись путевками с этого же числа. Правда, жить придется снова врозь, но зато хоть отдохнете и приналяжете на фрукты.

Деньги на путевку себе — одолжи. По телеграфу переводы не принимают, а почту я обгоню. Билеты закажи на 4 июля.

Я в Москве буду 3—4-го. Прошу на воскресенье (4-е) изготовить вкусный обед и пригласить Сашу³³ и Цилю. И, конечно, И.А.³⁴, если он в Москве.

Думаю, что придется съездить в Тбилиси и в Шамкар [?], но точнее условимся об этом в Москве. Во всяком случае напиши о таком плане Мише, возможно, что он присоединится к паломникам.

Последние новости возвратили мне чувство юмора, а с ним легче сносить усталость, упадок сердечной деятельности и кучу вещей, которыми врачи страшат здорового человека.

Поздравляю Инуху с окончанием семилетки. Я перед ней в неоплатном долгу. Бедняжка получит мало подарков, но зато сможет утешаться в обществе отца. Некоторые утверждают, что это — наслаждение неизъяснимое.

Привет всем. Целую.

А.

19. [Нестандартный бумажный конверт]

Москва, Новая площадь, 12, кв. 7

Ю.М. Тертерян

Полевая почта 48251-14

А.С. Тертерян

13.II.49

Милый друг!

Ты требуешь чистосердечного обсуждения текущих проблем. Изволь, голубушка:

1. Насчет инертности. Ты не совсем права. Маркельч телеграфировал дважды, и, следовательно, не в нем дело. Упорствуют местные товарищи: им не хочется расставаться с рабочим мулом. Хозяин обычно не балует это животное, но и не гонит за дверь. Несладка муляж жизнь, дорогая, но переквалифицироваться в арабские скакуны не каждому удается. О муле в образе человека можно написать диссертацию, и это, кажется, легче, чем уйти из опостылевшего загона. Когда меня спрашивают о перспективах, я поднимаю глаза к небу и говорю: надейтесь. Надейся и ты, но не плошай; Маркельчу официальное заявление подать не мешает.
2. Этот пункт отведен твоим проектам. Постараюсь все выполнить. Зимой, думаю, будешь щеголять в новом пальто. Прошу посылки раскрывать осторожно, чтобы не порезать материал.
3. Из Одессы ничего не получено. Признаться, братьям и писать не хочется: нехлопко как-то. Ну, ничего, летом во всем разберемся. Жаль, что не знаю, где мама, когда она перекочует на новое место. Прошу тебя из посылаемого сохранить по твоему усмотрению кое-что для нее.

33 Саша — Александр Юрьевич Кривицкий. Циля — его жена.

34 И.А. — Исаак Абрамович Вамбург, речь о котором шла в письме от 18.02.46.

Вот, пожалуй, и все проблемы. В заключение хочу поздравить тебя с преблажополучным окончанием дела, а если что и не так — не унывай: не единой олифой жив человек! Дочь скоро впряжется в лямку — прокормит!

Крепко целую вас

А

20.

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ГРУППЫ СОВЕТСКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ВОЙСК
В ГЕРМАНИИ

25 марта 1949 г. № 5 г. Потсдам

О 20-ЛЕТИИ ГАЗЕТЫ «СОВЕТСКАЯ АРМИЯ»

П Р И К А З Ы В А Ю:

Объявить благодарность всему офицерскому, сержантскому составу и всем сотрудникам редакции и издательства.

За долголетнюю и добросовестную работу НАГРАДИТЬ ЦЕННЫМИ ПОДАРКАМИ:
Майора Тертерян А.С. — фотоаппаратом «Практифлекс»

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ГРУППЫ СОВЕТСКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ВОЙСК
В ГЕРМАНИИ

МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА — СОКОЛОВСКИЙ

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ГРУППЫ СОВЕТСКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ВОЙСК
В ГЕРМАНИИ

Гв. ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК — ИВАНОВ

21. [Почтовая карточка]

Москва, Новая площадь, 12, кв. 7

Тертерян Юлии Михайловне

[Адрес отправителя не указан. Очевидно,
он тот же самый, что и в непосредственно следующих открытках]

26.IX.50

Милый Кот!

Сегодня впервые за две недели выпал дождь, по-южному шумный и теплый.
К обеду тучи разошлись, и я снова на бульваре, где полно идиотов с книгами.

Обо мне не тревожься, чувствую себя бодро, правда, сплю недостаточно — просыпаюсь рано, — зато отдыхаю после обеда.

Прости, что не пишу больших писем. Жизнь монотонная, люди несложные, —
посуди сама, о чем же писать?

Как твое здоровье, мой друг? Береги себя, ешь побольше, нервничай поменьше.
Крепко целую тебя и Инуху.

А.

22. [Почтовая карточка]

Москва, Новая площадь, 12, кв. 7

Тертерян Юлии Михайловне

Гагры, Санаторий МПС,

Тертерян А.С.

Гагры, 1.Х.50

Милый Котик!

Нехорошо волновать меня. Почему не пишешь? Я толстею и чернею, чувствую себя вполне удовлетворительно.

Сейчас занят подготовкой фруктовых посылок. Дело крайне утомительное и хлопотливое. Но мысль, что ты отдашь должное и грушам, и яблокам, придает мне радости.

Уеду отсюда 12-го скорым № 24. В Москве буду в субботу. Готовься, Котович!

Скоро твой праздник. Желаю провести его без забот.

Целую

А.

23. [Такая же открытка с тем же адресом]

Гагра, 5.Х.50

Дорогой Котик!

Погода испортилась: третий день льет дождь. Я снял комнатку у самого пляжа, сегодня переехал в свою новую обитель, но скверная погода вносит некоторые поправки в мои планы. Если так пойдет и дальше, — уеду раньше времени.

Милый Кот, ты научилась складно писать нравоучительные письма. Беда в том, что я рассматриваю их как литературные произведения; педагогическое воздействие их ничтожно, ибо я лучше, чем тебе это иной раз кажется.

Сегодня поздравил тебя с праздником, примечательным во всех отношениях. Не грусти, Котович! 39 — не предел! Баба ты жилистая и проживешь без всяких усилий еще столько же.

Крепко целую.

А.

24.

Куда: Одесса, Бульвар Дзержинского
Санаторий № 1 ВЦСПС

Кому: Тертерян Юлии Михайловне

Адрес отправителя: Гурзуф, до востребования, Тертерян А.С.
Гурзуф, 14.Х.53

Милый друг!

Все идет, как ты и хотела: с гор тянет холдом, по небу ходят тучи, падают дожди и перепадают дождики, нет, Кот, тут инфаркта от жары не получишь.

Ты ничего не пишешь, и меня это тревожит. Холода, наверно, добрались и до Одессы, а ты считаешь загубленными деньги на путевку, если приходится сидеть в палате. Не бойся, Котик, будет и нашей [sic] улице солнце!

В Москву написал открытку, ответа пока нет.

Как мои родственники? Передай всем привет и просьбу не очень тебя обижать, — ты ведь так легко ранима!

Жду письма, мой друг, и прошу не тревожиться из-за меня, хотя бы по той простой причине, что над Гурзуфом медленно идет караван дождевых туч и из всех дыр и щелей дует холодный ветер. Погода для инфарктников! Бррр...

Крепко целую. Привет от Кацев.

А.

25.

Гурзуф, 21.IX.53

Милый Кот!

Итак — последнее по счету письмо с лазурного берега. Надеюсь, оно еще застает тебя в Одессе.

Буду краток. Язык донесения понятен тому, в ком живет душа командира, а ты, Кот, командир целого соединения, где я отбываю на правах сержанта своей жизни срок.

Состояние здоровья: до «чистой» далеко. Морем и солнцем пользуюсь согласно твоих указаний и чувствую себя значительно крепче.

Погода. Последние два дня — солнечные. Жар умеряется холодным юго-восточным ветром.

Фрукты. Ем виноград, сливы, груши, изредка персики.

Окружение. Чета Кац.

Женщины. Стою в стороне.

Книги. Читаю не более часа в день.

Как видишь, Кот, жизнь проходит по твоим предназначениям, за которые смогут отблагодарить тебя лично и дарами крымской земли в первое воскресенье октября.

От Инны ничего не получил. Какова дочь-то!

Обнимаю тебя, друг мой, крепко целую

A.

26.

Мисхор, Санаторий «Сосновая роща» (МИД СССР)

Тертерян Юлии Михайловне

Адрес отправителя: Ново-Песчаная ул., 63, кв. 11. А.С. Тертерян

М. 14.X.54

Милый друг Котович!

Два дня все жили в тревоге: думали, что или ты сверзилась в пропасть и чемодан остался один, или чемодан сверзился в пропасть, а ты осталась одна, голая и голодная. Только-что пришла телеграмма, и все успокоились: оба (ты и чемодан) целы!

В санатории, где ты отдохнешь, пребывает [зачеркнуто: парочка] семейство Мельниковых. Он и она сотрудничают у нас. [Зачеркнуто: Не разведывай.] Насчет знакомств редакционных не пускайся в откровенности, особенно насчет Сашки. Это — друзья Прудкова, и тебе лучше всего делать вид, что ты никого и ничего из редакционной жизни не знаешь.

У меня с отпуском пока все зыбко. Может быть, предоставят с 25 числа. Прудков уговоривает взять путевку в Гагры, в писательский дом отдыха. Но ты ведь знаешь, как я не люблю эту болтливую и кичливую братию. В общем, решение пока не принято.

Дома все в порядке.

Крепко целую

A

27. [Почтовая карточка (Авиа)]

Г. Хоста, Санаторий МПС, корпус № 1

Тертерян Юлии Михайловне

Москва, Новая площадь, 12, кв. 7

Тертеряну А.С.

22.XI.51

Дружище Кот!

Прости нас! — очень занят и лишь по этой причине не писал все три недели. Очень устаю и раньше двух-трех ночи не заявляюсь. Нет, Котович, в новый дом ты въедешь вдовой, а я, видимо, облюбу теплый уголок на армянском кладбище.

Дома все нормально. Инна поет песни иберийских инородцев, а твоя татан то и дело переходит на чистейшее кастильское наречие. Кормят меня хорошо, хотя и денег, как ты знаешь, берут немало.

Только получили посыпочку с виноградом. Очень приятное блюдо!

Дора звонила дважды, справлялась о тебе. Циля также шлет приветы и сочувствие (дожди...).

Целую крепко.

А Тертерян [скорописью]

28. [Открытка, способ отправления и адрес такие же, как и в предыдущем случае]

25.X.51

Котович!

Очень расстроен: только сейчас выяснил, что твоя татан не удосужилась опустить открытки. Терзаемая муками совести, она обещает отправить их авиа-почтой. Прости ей рассеянность, как я простили ей суп с клецками, но без соли.

Четвертый день всей семьей едим поросенка. Позвали Блока, и только он помог одержать победу над этим заливным существом.

Когда ты приедешь? Сообщи, пожалуйста, телеграммой.

Дома задумывается нарядная встреча, но я против: скромность, Котик, вот что тебе всегда шло к лицу и делало его миловидным.

Целуюм

Тертерян

29.

15.VI.52

Милый Кот!

Салфет Вашей чести, друг мой, салют Вашей милости! Прости нас, что не были [очевидно, описка: по смыслу нужно «и»] ли человеком сегодня в «Сосновом бору» [очевидно, название санатория], а занимались рассмотрением изделий из той же сосны в мебельных магазинах.

Ордер свалился, как снег на голову, и вот всё завертелось, закружилось, всё торопится, спешит и увлекает меня за собой в стремительном потоке... Теперь уж все равно — раздавит ли меня трехстворчатым шкафом или прихлопнет пузатым, как самовар, диваном, свалит ли с ног иноземной листстрой или погребет под собой кровать — саркофаг с ампирными колонками. Признаюсь тебе одной, Котович: как потерянный рай, вспоминается мне наш старый уголок с разводами плесени, сырой и затхлый угол, где так покойно жилось, жевалось, спалось многие годы, где от сырости, словно от патоки, слипались страницы и ресницы...

Отдыхай, Котович, а мне одна дорога — в «Мосмебторг»...

А может быть, останемся, Кот, а?

А.

30. [Почтовая карточка]

Москва, Новая площадь 12, кв. 7

Тертерян Юлии Михайловне

«Октябрьская», к. 221

Тертерян А.С.

24.VIII.52

Милый друг!

В Ленинграде туманно, дождливо, холодно. Устроились в «Октябрьской». Номер с ванной, Невский под рукой. Дел оказалось очень много, разговаривать приходится весь день и все о скучных материалах. На город не остается времени, а жаль — он заслуживает больше, чем самая красивая женщина.

Чувствую себя не хуже, чем в Москве, стараюсь курить меньше, засыпать раньше. Тебя, вероятно, огорчат эти меры, которые могут продлить мою жизнь. Скажу в оправдание, что они навязаны сослуживцем — до тошноты правильным парнем.

Буду 1-го.

Целую

А.

Привет домочадцам

31.

Москва, Ново-Песчаная ул., корпус 63, кв. 11

Юлии Михайловне Тертерян

Гагры, Ахали-Гагрское отделение связи, до востребования — А.С. Тертерян

Гагры, 10.XI.54

Милый Кот!

Как-то ты там поживаешь? О себе, признаться, и писать не хочется. Как будто все хорошо, а в общем и чем-то противно, и грустно, и спится мало, и голова побаливает, и ничего не хочется, даже вина (водки не пью).

Днем гуляю и играю в преферанс, а вечером слушаю рассказы Шейнина. Забавно, но приедается. Словом, старость, дорогая, и надо, следовательно, ездить к морю со своей старухой.

Напиши мне, Кот, о себе. В Москве думаю быть 22—24-го, — очень уж соскучился по твоим нотациям, дорогой друг.

Крепко целую

А.

32.

Москва, Ново-Песчаная ул., корпус 63, кв. 11

Инне Тертерян

Гагры, 10.XI.54

Дорогая моя дочура!

Что-то нет от тебя писем. Видно, адресуешь их в Арзамас, а старый отец так и не знает, будет ли у него Герцен. Здесь, Инуха, насчет книг весьма неказисто. Для писателей имеется Данилевский и еще какой-то дивный сочинитель, который лет пятьдесят назад в приложении к «Родине» описывал невероятные случаи из интимной жизни русских барыnek.

Сегодня в Гаграх облачно, но еще тепло, и я лениво брожу по бульвару, где вместо отдыхающих встречаешь только псов, больших, крикливых кавказских псов, которые даже хлеба не едят, а хлебают «сацви» из кур.

Целую тебя, родная, и надеюсь, что отпишешь мне о своих делах.

Твой

Папа

33.

Ново-Песчаная ул. 16, кв. 71
Инне Тертерян
Гудаута, 12.Х.56

Милая Инуха! Гагра — место прещумное в любую погоду, Гудаута — премерзкое, когда с гор, как овечьи стада, спускаются тучи, начинает лить дождик, тихий, бесконечный как мамины жалобы.

<....>

Целую

П

34.

Москва, Ново-Песчаная ул., 16, кв. 71
Тертерян Юлии Михайловне
[Адрес отправителя не заполнен] На штемпеле: Гудауты, 26.10.56
23.Х.56

Милейший Кот! Наконец-то ты откликнулся [sic] на мои мольбы. Рад, что вы все здоровы, что в Москве уже топят и гарнизон столичный перешел на зимнюю форму одежды. А здесь холод антарктический, в домах не топят, гарнизона же по-просту нет.

Сижу, Котович, в благословенной Колхиде только из упрямства. В дождях и холодах так закалился, что могу теперь без риска принять участие в антарктической континентальной экспедиции. Ночами кажется мне, что нахожусь на новой станции «Оазис» в глубине антарктического материка. Так-то, Кот, неудачно сложилась поездка с самого начала.

Из-за «неблагоприятных метеорологических условий» фруктов мало и запаздывают они безбожно. Мандаринами даже не пахнет. За айвой приходится охотиться, как за соболем. Правда, груш много, но известно, что плод этот «не транспортабелен». Выехать собираюсь 1-го или 2-го ноября. Если выпадет снег, убегу и раньше намеченного срока.

В Гудаутах встретил Мерочку³⁵. Она отдыхает в санатории «Строитель» — это в пяти километрах от города. Навестить ее так и не собрался. Во-первых, «плохие погодные условия», а, во-вторых, перспектива провести вечер с этой чинной чаровницей ужасает до того, что ноги сами собой подгибаются и чувствую стеснение превеликое под самой ложечкой.

Привет всем домашним.

Крепко целую.

А.

Два письма бабушки

35.

Москва, Волхонка 8 кв. 13
Диноре Александровне Токарь
Адрес отправителя: Феодосия, Карантин, Большевистская ул. 31 для Ю. Тертерян
4.Х

35 Мерочка, Мэра (полное имя — Мери) — одна из подруг бабушки.

Дорогая Дорочка!

Ты наверное [sic, без запятых] уже все знаешь? Какое горе, какое несчастье!

Вчера сделали первую кардиограмму. Она показала большой рубец задней стенки, но врач не знает: результат ли это старой коронарной недостаточности или новый разрыв. Во вторник будет повторная, и пока считают инфаркт, строжайший режим, который он не может перенести. Все время двигается. Ни спать, ни долго лежать на спине он не может, а ночью даже оказывается на боку.

С 30 на 1-е окт., когда я летела в самолете, он был при смерти. Боли продолжались с 12 час. 30-го по 5 час. утра на 1-е. В Коктебеле я его не застала и на том же такси, вдогонку, поехала в Феодосию. Сейчас вся моя жизнь проходит в б-це, с 8 утра до 10 веч. Сплю на квартире, ем, как придется.

Сама понимаешь, хочется только одного — все время плакать!

За что и сколько еще будут нас преследовать Кошмары [sic] болезней.

Бог знает сколько нам придется здесь пробыть. И бог знает, как еще пойдет болезнь.

Настроение у него плохое. Тяжело и скучно лежать, мучает сознание надвигающейся инвалидности.

Мне так его жалко, что я примирилась с А.Б., которая не отходит от него и для меня ясно, что любит его еще больше, чем я. (Об этом строго — молчок!)

Не жди от меня регулярных писем. Сейчас случайно оказалась на почте (за газетами). Вообще из б-цы не выхожу. Вся связь с Москвой через телефон. Ежедневно звонит редактор и иногда Инна. У них и узнавай о нас, если захочется.

[Дальше следует подробное перечисление результатов медицинских анализов.] Вот проконсультируй с кем-нибудь.

Пока все. Пиши мне, дорогая — Феодосия, Каратин, Большевистская ул. 31.

Крепко целую

Юля

36. [Без даты. Записка простым карандашом на обороте фотоснимка улыбающейся бабушки в полный рост, стоящей со стаканом чая на крыльце их первой переделкинской дачи. Фотопортрет работы моего отца.]

Как ты хочешь, я сегодня не приеду, хотя обеда нет.

Мне очень плохо.

Из-за случайных людей и их прихотей можно ли ломать жизнь?

Ведь не из-за куриного пупка была вчера твоя враждебность? Это назревает уже больше месяца.

Можно играть в преферанс, но быть все-таки дома. А тебя нет со мной ни днем, ни вечером, ни даже ночью.

Будь справедлив; на мою долю пришлось больше за всю жизнь, а ведь просила я всегда очень мало, да и сейчас не увеличила своих требований.

Конечно, можно стать чужими, но разве это принесет успокоение, разве не будет еще хуже?

Буду ждать твоего звонка.

37. [Сложеный вчетверо отрывной листок из календаря или маленького блокнотика. На листке — надпись простым карандашом:]

Полюбите кого-нибудь так, как я Вас люблю и будете так же [«так же» зачеркнуто] счастливы.

Бот весь секрет

Примечания

Письмо 5. Блок — Георгий Эрнестович Блок, соавтор А.С. Тертеряна по довоенным публикациям. См.: В старой Москве. Как хозяйничали купцы и фабриканты: материалы и документы / Собрали Г. Блок, А. Тертерян; общ. ред., предисл., заключение Л. Никулина и Г. Рыклина. М.: Московский рабочий, 1939; Блок Г., Тертерян А. Канал Москва-Волга: Путеводитель. М.: Московский рабочий, 1939.

Письмо 6. Дора — Динора Александровна Токарь, ближайшая подруга Ю.М. Тертерян. Ей адресовано письмо 35.

Кривицкий — Александр Юрьевич (Зиновий Юлисович) Кривицкий (1910—1986), советский писатель и публицист, журналист, редактор, в 1937—1947 годах — сотрудник газеты «Красная звезда».

Письмо 8. Дом на Соборной — дом 2 на Соборной площади в Одессе, где жила семья А.С. Тертеряна и откуда он уехал в Москву в конце 1920-х годов.

Тамара — сестра А.С. Тертеряна.

Письмо 11. Автор письма, Александр Федорович Кошлев, в 1943—1944 годах, к которым относятся описываемые им события, был ответственным редактором газеты «Советский боец» 5-й Ударной армии.

Самуил Яковлевич Шухман, Александр (в письме ошибочно назван Николаем) Иванович Бабенко, Вадим Николаевич Собко, Владимир Васильевич Рудим, Абрам Давидович Нудельман — сотрудники и корреспонденты газеты «Советский боец».

Письмо 16. Исаак Абрамович Вамбург (1908—1964) — сослуживец А.С. Тертеряна по 5-й Ударной армии. В его фронтовых документах на всем протяжении войны в качестве места службы указываются ХППГ (хирургические полевые подвижные госпитали), в 1945—1946 годах он был в звании капитана интендантской службы. Почему он именуется «начальником издательства», не вполне понятно.

Письмо 17. Александр Иосифович Шифман (1907—1992) — советский литературовед, доктор филологических наук, исследователь судьбы и творчества Льва Толстого, в годы войны сотрудник многих фронтовых и армейских газет, в том числе газеты «Советский боец». Миша — вероятно, брат А.С. Тертеряна Михаил Саркисович Тертерян.

Письмо 26. Олег Николаевич Прудков (1922—2002) — многолетний руководитель международного отдела «Литературной газеты», секретарь редакционного партбюро.

Письмо 31. Шейнин — вероятно, Лев Романович Шейнин (1906—1967), советский юрист, прокурор, в 1930-х годах следователь НКВД, помощник главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе, литератор, сценарист. В 1953 году во второй раз освободился из заключения.

Письмо 35. А.Б. — Ата (Беата) Рафаиловна Бельская (1910—1994), коллега А.С. Тертеряна по «Литературной газете».